

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А
КУЛИКОВА

Миссия на краю света,
или Бессмертие оптом и в розницу

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Миссия на краю света, или
Бессмертие оптом и в розницу**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Миссия на краю света, или Бессмертие оптом и в розницу /
Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Изящный детектив от Галины
Куликовой)

ISBN 5-699-15748-4

Марина Беглова до определенного момента и понятия не имела о том, что в Горном Алтае живет целитель, владеющий старинной книгой, которая возвращает молодость и здоровье. Но неожиданно целителя похитили, книга исчезла, а в центр заварушки попала Маринина сестра – Таня Зотова. Бандиты обещают вернуть Таню только в обмен на книгу! На старинном раритете лежит заклятье: тот, кто использует его с корыстными целями, умрет страшной смертью. Никто не верит в это до тех пор, пока не начинают гибнуть временные владельцы книги: пресс-секретарь известной писательницы, доверенное лицо депутата... Марине очень не хочется стать следующей, и тогда она заручается поддержкой Олега Валецкого, которого принимает за профессионального вора. Заключив с Мариной сделку, этот отважный парень твердо намерен взломать не только парочку сейфов, но заодно и ее непокорное сердце...

ISBN 5-699-15748-4

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Галина Куликова

Миссия на краю света или Бессмертие оптом и в розницу

Вася Клишин по кличке Клин сидел в шезлонге на берегу бассейна, расположенного на территории большого греческого отеля, и глазел на цыпочек, плескавшихся в воде. Издали в своих разноцветных бикини они напоминали экзотических рыбок, которых Вася держал дома в огромном аквариуме, украшенном кораллами и пятнистыми раковинами.

Обзор был отличный, коктейль, который притаранил ему личный адъютант Ося Пискарев, вкусно пах и щекотал язык «бульбушками». Вася вытащил из бокала бумажный «зонтик» и хотел было бросить его на пол, но передумал. Жена нещадно ругала его за свинство и, вишь ты, приучила-таки к культуре поведения.

Он хмыкнул, воткнул «зонтик» обратно и тут услышал трель своего мобильного.

– О, Наташка! – радостно воскликнул Клин, приложив трубку к уху. – А я, представь, только что о тебе думал.

– И что же ты думал? Небось радовался, что я в Москве осталась и ты можешь на пляже представляться холостяком.

– Глупости говоришь. Кроме того, я на пляже еще не был. Туда, блин, идти надо. Так что я пока в бассейне купаюсь. Тут, Наташка, так прикольно! В ресторане всякой лабудой кормят! Прикинь: жареная треска с чесноком у них фирменное блюдо. А знаешь, как будет «Здравствуйте»? «Я сас». А если по-простому, то – «я су». Как с кем здороваешься, потом ходишь, живот надрываешь.

– Смотри только, не напивайся в ресторанах, – ворчливо заметила Наташка. – А то я тебя знаю.

– Ты чего? Да я водки ва-аще в рот не беру. Вот винцо за обедом... Но ведь ехать в Грецию и не пить вино – грех же смертный. А вечером я употребляю только чай. Прикинь, он такой красный и называется каркаде. На попугаях они его, что ли, настаивают?

– Попугай – какаду, – сердито сказала жена. – А каркаде – это лепестки суданской розы. Господи, Васька, какой же ты темный! Кстати, ты мне клятвенно обещал, что возьмешь с собой на отдых книжку. И ведь не взял!

– Да я куплю, – тотчас нашелся Клин. – Тут русских туристов как собак нерезаных. И книжки русские продают прямо в гостинице. Вот ща пойду и выберу себе какую-нибудь.

– Честно?

– Ну, честно.

Они еще некоторое время обменивались новостями и закончили беседу уверениями в вечной любви. Завершив звонок, Клин поставил пустой бокал на пол и, кряхтя, начал подниматься. Ося Пискарев мгновенно подскочил к нему, угодливо наклонив голову:

– В бар? Или в номер?

– Книжку пойду покупать, жене обещал окультуриться, – беззлобно проворчал хозяин. Ему было приятно подчеркнуть, что супруга проявляет о нем такую заботу.

Они вошли в кондиционированную прохладу вестибюля и проследовали к магазинчикам, где торговали золотыми украшениями и изделиями ручной работы. Здесь же, в углу, приутился и продавец книг. Русскоязычные издания лежали отдельно и выглядели внушительно.

– Русские читают самые толстые книжки, – не без гордости заметил Клин и взял в руки огромный ярко-оранжевый том. Цвет обложки показался ему многообещающим. – Чего тут у нас? – Он переломил бровь и вслух прочитал: – «Улисс». Что это за хрен с маком? А, вспомнил!

Улисс! Это тот перец, который сочинил «Войну миров», я недавно кино смотрел, так что читать уж точно будет неинтересно. О, еще фантастика!

Эта книжка ему понравилась больше, потому что на обложке были нарисованы драконы. Клин открыл ее на середине и прочитал: «Вечерняя заря на Бликстикмагке окрасила небо зеленым светом, но вскоре он потух, и стало темно, как в норе дракобопуса. Паукообразные твари миногрызы выползли из своих нор, чтобы полакомиться теплокровными. Астронавты спали возле потухшего костра, а их часовой, распиленный на несколько частей хохлатым хахрадином, неровной кучкой лежал под кустом аюпуса».

– Нет, эту тоже не хочу, – вслух сказал он. – Здесь слишком много жестокости. Наташка это не одобрит.

– Босс, а возьми лучше детектив. Во, где пистолет нарисован. Тоже книжка!

Клин протянул лапу и схватил сборник рассказов Агаты Кристи.

– Эту Агату все хвалят, – задумчиво произнес он. – Хотя, говорят, она ужасно старая, – взбурлил страницы и уткнулся взглядом в какой-то абзац.

Текст вовсе не соответствовал его представлениям об интересном детективе. Это оказалось занудное описание оперы – и первый акт, и второй... А слово «тоска» почему-то было написано с большой буквы – Тоска. Господи, во все эти строчки нужно было вникать, а вникать ужасно не хотелось. В конце концов он выбрал наугад какую-то тетку, Эрих Марию Ремарк, потому что продавец, увидев, что Клин заинтересовался товаром, начал показывать ему большой палец. Судя по всему, этому жесту туристы научили его совсем недавно и новизна еще не пропала.

Держа книжку под мышкой, Клин возвратился к бассейну, отпустив Пискарева в автобусную экскурсию по городу. Приедет – расскажет, стоит ли валандаться с гидом или лучше взять тачку напрокат и самим покататься по центру. И впрямь не может же он просидеть весь отпуск в отеле? Наташка с него шкуру спустит! Он уселся в незанятый шезлонг, блаженно потянулся и прикрыл глаза, устроив Ремарка на пузе.

Справа, чуть позади него, о чем-то вполголоса переговаривались два мужика. Клин прислушался и хмыкнул – тоже русские. О чем они беседуют, было неясно, но отдельные слова долетали до него и дразнили воображение. Наконец он понял, что эти двое тоже говорят о книгах. Вернее, об одной какой-то книге – редкой. Он даже услышал слова, сказанные священным шепотом: «Миллион долларов».

Клин хмыкнул и покрутил в руках свое приобретение. До сих пор ему и в голову не приходило, что книги могут стоить больших денег. Ну, редкие там – да. Но все-таки не столько. И чего с ними, редкими, делать? Вот купил ты книгу за миллион, положил ее на полку и ходишь мимо. Какой с нее толк? Да и вообще – на какую полку? Вдруг ее с этой полки кто-то утащит? Получается, ее следует в банк класть, в ячейку. И нужна она тогда, эта книга, как собаке пятая нога. Лучше уж хранить в сейфе бриллианты. Придешь когда – полюбуешься, как они горят и играют. А при тусклом электрическом свете и вовсе кажутся волшебными. И в деньги бриллианты можно обратить в любой момент. А книжку кому продашь? Жди какого-нибудь аукциона...

Между тем двое его соотечественников действительно вели разговор на интереснейшую тему.

– Я два года назад останавливался в этом отеле, – сообщил Эдуард Кудрявцев своему новому знакомому, пожилому господину, одетому в шорты и льняную рубашку.

У господина были довольно длинные волнистые волосы с яркой проседью и небольшая бородка. Внимательные глаза и одухотворенное лицо делали его похожим на один из портретов Ван Дейка. Несмотря на то что вокруг этого человека не вились умопомрачительные девицы и не ходили кругами телохранители, было ясно, что он состоятелен и знает себе цену. Его звали

Николай Шамшура, он так и представился, легко и как-то мимолетно пожав протянутую ему руку. О том, чем занимается, он не сказал ни полслова.

Эдуард Кудрявцев в начале знакомства тоже, впрочем, не особо распространялся о себе, хотя о его достатке вопила буквально каждая вещь – часы известнейшей швейцарской фирмы, легкие кожаные сандалеты, очки с известным лейблом на дужке и антикварный перстень на мизинце.

– Да, официант вас явно узнал, – кивнул Шамшура. – Очень обрадовался. Дружелюбные люди, эти греки!

– Он не то чтобы обрадовался, – возразил Кудрявцев, провожая глазами высоченную девицу, которая шла вдоль бортика бассейна, виляя тощими бедрами и размахивая полотенцем. – Он выражал свой восторг и изумление по поводу моего чудесного исцеления.

Шамшура повернул голову и впервые внимательно посмотрел на своего собеседника.

– Выглядите вы неплохо, – скупой обронил он, но глаз не отвел, явно ожидая продолжения.

– Сейчас – да. А вот год назад...

Кудрявцев хмыкнул и прикрыл глаза, словно вспоминая о чем-то забавном. Потом встрепенулся и протянул руку к барсетке, которая висела у него на поясе. Достал оттуда толстенную записную книжку, а из книжки – фотографию. И протянул новому знакомому:

– Вот он я, полюбуйте. У этого же самого бассейна прошлым летом.

Шамшура охотно взял снимок и, сев поровнее, поднес его к глазам. Некоторое время молча рассматривал, а потом поднял голову:

– Что-то я не понял. Вот это – вы? В кресле-каталке? Да, в самом деле это вы, снимок отличный. Но, черт побери... – Его равнодушие разом куда-то подевалось. – Просто невероятно. Кажется, что там, на снимке, вы собираетесь отдать богу душу.

– Так и было, я буквально дышал на ладан. Приехал провести последние дни красиво. Здесь все такое яркое: белый город, синее море... Думал, что вижу все это в последний раз.

– Что же с вами произошло? Какая-то счастливая случайность? Что помогло вам выздороветь? Сейчас вы кажетесь абсолютно здоровым. И, главное, помолодели лет на двадцать! И это, честно говоря, больше всего поражает.

– Расскажу, если вам интересно. Необыкновенная цепь случайностей. Здесь, в отеле, я познакомился с четой пожилых немцев, фрау и герром Шугард. Они сами завели со мной разговор. Вероятно, я вызывал жалость. – Кудрявцев несколько раз моргнул, как будто вызывать жалость было неприлично. – Немцы сообщили, что недавно побывали в России. Но не в Москве и не в Питере. Они любят активный отдых и отправились в Горный Алтай. Заказали конно-водный тур и провели там десять чудесных дней. Честно говоря, я даже не представлял, что в Горный Алтай приезжает такая пропасть европейцев. Оказывается, это очень популярные в Европе туры, на Алтае иностранцев встречают гиды-переводчики и в благоустроенных микроавтобусах отвозят их к началу маршрута.

Ну, неважно... Шугарды мне и рассказали, что в одном маленьком селе неподалеку от спортивной базы, откуда уходила их группа, живет семья целителей. У них есть древняя тибетская книга, которую им передал какой-то монах. Сама по себе эта книга – тайна за семью печатями, ее мало просто прочесть, нужно уметь ею пользоваться. Понимать ее.

Книга эта обладает редким свойством. Мистическим, можно сказать, свойством! Пользоваться ею можно только бескорыстно. Тот, кто завладеет книгой с нечестными намерениями, умрет.

– Хм... – Шамшура откинулся назад, и на лице его появилась недоверчивая улыбка. Заметив ее, Кудрявцев помахал в воздухе фотографией, и улыбка немедленно испарилась.

– Так вот, вышеупомянутые целители лечат больных и омолаживают старых. Причем, подчеркиваю, совершенно бесплатно.

– И вы поверили?

Кудрявцев спрятал снимок обратно в записную книжку и сложил пальцы домиком перед грудью:

– В то время я поверил бы во что угодно. Собрался с силами и, возвратившись в Москву, не стал терять времени. Рванул на ту самую спортивную базу. Конечно, далась эта поездка нелегко, но мне не на что больше было рассчитывать.

Я трясся от волнения, боялся, что целители не возьмутся меня лечить, что в книге не будет рецепта лекарства от моей болезни... Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что люди, на которых я так надеялся, снялись с места и отправились странствовать, считая, что должны сами приходить в дома к страждущим.

– Вот это разочарование! – Шамшура, пощипывая бороду, внимательно слушал. – Что же случилось потом?

– Оказалось, однако, что целители ушли, но книга осталась. А вместе с нею остался старый дед, Егор Спиридонович Алеев. Единственный, так сказать, хранитель знаний. Он задержался для того, чтобы найти себе преемника и передать ему раритет, а также, что еще важнее, научить им пользоваться. После этого старик собирался податься в Тибет и остаться в одном из монастырей.

– А его бы туда взяли? – усомнился Шамшура.

Ему казалось невероятным, что такие вещи действительно происходят на свете. Тем не менее живой свидетель сидел совсем рядом. Шамшура заметил, что кожа у его знакомого здорового розового цвета, под глазами нет страшных отвисших мешков, какие он видел на фотографии.

– Ну... Те, кто владеет особой силой, всегда узнают и поддерживают друг друга, разве не так? – пожал плечами Кудрявцев. – Так вот, вернемся к прошлому году. Я прибыл на базу, узнал, где находится то село, отправился к старику и спросил, может ли он меня вылечить.

– И что старик? – В голосе Шамшуры проскользнуло нетерпение. Было ясно, что этот человек привык получать интересующую его информацию по первому требованию.

– Старик ответил, что должен подумать. И велел мне ждать. Можете себе представить мое тогдашнее состояние? Спортивная база, деревянные домики, а то и палатки, пища, приготовленная в походных условиях, отсутствие нормальных цивилизных удобств. Мне и так-то приходилось несладко... Впрочем, не это выводило меня из себя, а то, что рядом, буквально в километре, находился человек, который мог мне помочь, но отчего-то медлил.

– Вы жалели, что поехали?

– Ни минуты. Воздух там потрясающий, его можно по бутылкам разливать. Природа какая, горы... Да вы наверняка можете себе представить. Кстати, я даже не спросил, может быть, вы и сами бывали в тех местах?

– К сожалению, не довелось. В голову не приходило. Я все больше в Европу...

– Вот мы все так – в Европу, – тотчас подхватил Кудрявцев.

Рядом с ними в шезлонге полулежал молодой мордovorот в бирюзовых шортах. Выражение абсолютного умиротворения на лице никак его не красило: он казался туповатым и, невзирая на это, опасным. Кудрявцев неожиданно подумал: «Если посмотреть на акулу беспристрастно, может показаться, что она улыбается». Тип его беспокоил. И он против воли понизил голос:

– А потом случилось вот что. На базу приехала девушка, которая тоже услышала о чудесной книге. Она потеряла любимого человека и впала в тяжелую депрессию. Клянусь вам, от нее остались одни глаза. И когда старик наконец позвал меня, я попросил его помочь сначала девушке.

– Да что вы! – как-то даже рассердился Шамшура. – У девчонки, вы говорите, была всего лишь депрессия, а вы умирали!

– Но она была так молода, а я уже мог и не выкарабкаться... Хотя мне очень хотелось жить. Кроме того, депрессия – весьма серьезное заболевание, а не просто плохое настроение, которое можно развеять, прогулявшись по соседскому парку. Как бы то ни было, я уступил ей свою очередь. И тогда старик заявил, что может лечить нас одновременно, ему это, мол, ничего не стоит. А очередность создавалась лишь для того, чтобы в душах страждущих за время ожидания наступило необходимое для исцеления умиротворение.

– А как он вас лечил? – Шамшура уже не просто сидел прямо, а развернулся к Кудрявцеву всем корпусом и буквально впился в него глазами. – Накладывал руки? Или делал массаж? Или читал заговоры?

– Он поил меня травами, – просто ответил Кудрявцев. – Я так понимаю, что рецепты содержатся в книге. Однако есть некоторые тонкости, которые делают эти отвары поистине волшебными. Нужен настоящий знаток. Это относится и к современной медицине. Какой-нибудь талантливый ученый создает прибор, способный, допустим, проверять все основные параметры организма, измеряя испускаемую органами энергию. Но квалифицированно работать на этом приборе могут лишь он сам и его ученики. В руках остальных прибор бесполезен. Профанация, пшик. Так и с этой книгой.

– Полагаю, книга уникальная.

– Вот именно, – тяжело вздохнул Кудрявцев. – Теперь последняя, не менее удивительная часть этой истории. Когда я пошел на поправку, дед неожиданно заявил, что я достаточно бескорыстен, чтобы продолжить его дело.

– Вы?!

– Я воскликнул точно так же: «Я?!» И стал говорить о собственной никчемности. Тогда дед прикрикнул на меня и заявил, что я не имею права отказываться. Дескать, я побывал на пороге смерти и это меня очистило. Да и болезнь дана была мне не даром. В общем, все в таком духе. А я ведь абсолютно светский человек, если вы понимаете, о чем я говорю...

– Конечно, понимаю.

– Я не готов бросить все и заняться подвижничеством. Но, с другой стороны, если бы не дед, где бы я сейчас был? – Он бросил тревожный взгляд направо.

Шамшура тоже обратил внимание на «акулу», притаившуюся под соседним тентом. Акула скрестила кривые волосатые ноги и замерла, прижав к животу раскрытую на середине книжку. Глаза закрыты, но шея напряжена. Впрочем, подозревать этого человека в том, что он подслушивает, было бы несправедливо. Однако Шамшура все же указал Кудрявцеву глазами на их соотечественника. Русское происхождение было написано у того на лбу.

Они невольно заговорили еще на полтона ниже:

– Но я не могу сказать, что готов заниматься целительством. Будь у меня выбор и деньги... я бы уехал на какой-нибудь прелестный остров и посвятил остаток жизни духовному совершенствованию.

– И сколько же вам нужно для счастья? – лениво спросил Шамшура, снова откинувшись в шезлонге и прикрыв глаза. Ресницы его трепетали.

– Миллион долларов, – размечтался Кудрявцев. То, что он мечтает, было ясно по выражению его лица. – Ну, или хотя бы полмиллиона. Я обеспеченный человек, но не настолько, чтобы отойти от дел.

– И если бы у вас было полмиллиона, вы отдали бы книгу... кому-то достойному? И передали секреты, которые готов открыть вам старик?

– Если бы нашелся такой человек... Но он должен быть бескорыстен. Ведь книга сама защищает себя, я говорил вам?

– Говорили, но я не очень понял.

– Книга убивает того, кто воспользуется ее силой с корыстными целями.

– Да ну?

– После того, как дед вылечил меня всего за пару недель, я верю всему, что касается этого манускрипта.

Впрочем, Шамшура тут же изменил свое мнение:

– Пожалуй, вы правы. Иначе у этой штуки были бы все шансы быть украденной.

– Конечно, ее давно бы кто-нибудь свистнул и запер под замок. Но на самом деле книгу можно передать лишь добровольно и с добрыми намерениями. Только тогда она будет безопасной для владельца.

– Просто приключенческая история! – подвел черту Шамшура. – Хотите, выпьем сегодня вечером в баре и продолжим разговор? Я угощаю.

– С удовольствием. – Кудрявцеву новый приятель понравился. Он излучал власть и энергию, а это самые притягательные вещи на свете. Даже любовь нередко подчиняется их силе.

Насвистывая, в прекрасном расположении духа он отправился в свой номер переодеться к обеду. Кривоногий по-прежнему дремал с книгой на брюхе. Или делал вид, что дремлет. Кудрявцев решил не обращать на него внимания – в любом случае что он там сумел разобрать?

Шамшура немного задержался, собирая свои вещички – полотенце, газету и солнечные очки, выпавшие из кармана. Когда он вошел в холл отеля и направился к лифтам, к нему присоединился высокий жилистый мужчина с военной выправкой. Они изменили курс и отошли к окну, возле которого раскинулся настоящий зеленый сад в горшках и вазонах.

– Ты все слышал? – спросил Шамшура, делая вид, что переводит стрелки часов.

– Абсолютно. – Мужчина постучал себя указательным пальцем по уху, в которое была вставлена маленькая бесцветная горошина. – Вы хотите купить эту книгу?

Шамшура улыбнулся улыбкой счастливого человека:

– Почему нет? Если книга действительно может продлить молодость и избавить от болезней... Что такое полмиллиона в сравнении с таким сокровищем? Я уговорю этого типа согласиться на то, чтобы дед передал ему знания. А он – обучил им меня. Если, конечно, информация о чудесной книге подтвердится. Ты меня понимаешь?

– Качественную проверку можно провести только на месте. Отправить кого-нибудь в то село, которое он упоминал.

– Нет, – резко ответил Шамшура. – Отправляйся туда сам, это надежнее. И отправляйся немедленно. Да смотри, действуй осторожно. Ты слышал о той защите, которой обладает эта вещь? Тот, кто завладеет ею против воли хозяина, умрет страшной смертью. Так что берегись и не делай глупостей.

Они двинулись к лифту, не заметив человека, который притаился за пальмами. Клину мог стоять, не шевелясь и почти не дыша, часами. Как только Шамшура освободил шезлонг, он сорвался с места и влетел в холл через боковую дверь, где сновали официанты. Так близко к интересовавшим его лицам он оказался совершенно неожиданно для себя.

А то, что Клину услышал, наполнило его душу невероятным ликованием. Неужели ему повезло по-крупному? Он знает адрес деда, владеющего старинной книгой, которая стоит бешеных бабок! Господи, он действительно счастливчик – так ему еще мама говорила: «Васька, тебе все легко дается, ты все в жизни дуриком получаешь». Так и есть, ему фартит. Неужто этот бородатый идиот готов заплатить такие деньги за старую книжечку? Вместо того чтобы просто пойти и отобрать ее. Трындел про какую-то защиту. Фигня все это, не верит он, Вася Клину, ни в какие такие штуки. Все в этой жизни просто, как в супермаркете: каждый сам набирает свою тележку подходящим товаром.

– Не знаешь, что за тип сидел рядом с нами в шезлонге? – спросил Шамшура у своего телохранителя, как только они оказались в лифте.

– С книжкой Ремарка? Я уже проверил – так, мелюзга. Васька Клину, бандит районного масштаба. Конкуренции бояться нечего – он слишком мелко плавает.

– Кроме того, Кудрявцев ко мне проникся, – самодовольно заметил Шамшура. – А с этим типом он даже разговаривать не станет. Впрочем, я надеюсь, Клин слышал недостаточно для того, чтобы сделать какую-нибудь глупость.

* * *

– Кто-нибудь звонил, Жанночка? – несвойственным ей сладким тоном спросила Зоя Разгуляева, широко распахнув дверь.

Зоя была дамой большой и пышной, и верстальщик, с которым главная редакторша однажды сошлась в рукопашной, уверял, что она сильная, как Голиаф. Еще она слыла жадной и вспыльчивой, но дело свое знала хорошо, и под ее руководством поначалу тощенький журнал «Обо всем на свете» серьезно посолиднел.

Новая секретарша Зою напрягала, однако той составил протекцию очень нужный человек, и уже два дня все сотрудники редакции по очереди ходили к Жанне в приемную, чтобы насладиться ее красотой и глупостью. Мужчин больше всего привлекала красота, а женщин, ясное дело, глупость.

– Были три звонка, – сообщила новоиспеченная секретарша двадцати двух лет от роду. – Ровно в девять позвонил читатель. Он нашел в кроссворде ошибку, Зоя Петровна!

– Какую такую ошибку? – проворчала главная, проследовав в свой кабинет.

Жанна шла у нее в кильватере, заглядывая в блокнот.

– Если пункт двенадцатый по горизонтали «Амстердам», тогда «оллигатор» не подходит, а это невозможно.

Зоя остановилась и тоже сунула нос в секретаршин блокнот.

– Оллигатор! – мрачно повторила она. – Фантастика.

– А что такое «оллигатор»? – робко спросила Жанна. – Я смотрела словарь, но там нет такого слова.

– Еще бы. Насколько я понимаю, «оллигатор» – это смесь крокодила с олигархом. Читательское мифотворчество.

– Ну, я не сильна в мифологии! – просияв, ответила Жанна.

– А другие звонки? – спросила Зоя, швырнув сумочку на стул.

Впрочем, баул, в котором она носила необходимые вещи, сумочкой можно было назвать с большой натяжкой. Старейшие сотрудники утверждали, что однажды своими глазами видели, как Зоя извлекла оттуда гантели. Вероятно, это был тот самый момент, когда она всерьез вознамерилась «подкачать руки», познакомившись в отпуске с инструктором по аэробике.

– Другие звонки совсем непонятные, – с сомнением в голосе заметила Жанна. – Первый раз мужчина заявил, что ему нужна капуста.

– А ты?

– Я сказала, что здесь не овощной магазин, а редакция, – с достоинством ответила секретарша.

– Моя вина. Нужно было распечатать для тебя список сотрудников. Капуста – это фамилия. Лариса Капуста занимается горячими новостями.

– Ой!

– А второй странный звонок?

Главред вставила туловище в плюшевое кресло с внушительной «лысиной» в центре сиденья и начала отодвигать бумаги подальше от себя, освобождая жизненное пространство. Жанна переступила с ноги на ногу, цокнув каблуками. Каблуки были невероятно высокими, и ноги поэтому казались нечеловечески длинными. На осиной талии затянут блестящий пояс, глянцево-волосы ссыпаны за спину, глаза невинные.

Зоя вздохнула. В двадцать два она носила сшитые бабушкой ситцевые платья и жесткие босоножки и никогда не разглядывала витрины, чтобы случайно не увидеть в них свое отражение. К тому времени она успела поработать подавальщицей в столовой и разнорабочей на овощной базе. Несколько лет возглавляла отряд добровольной дружины – после того как подверглась нападению группы хулиганов по дороге со станции и сдала в милицию всю группу чохом. Уже тогда взгляд у нее был умный и циничный.

– Еще звонили из Бийска и просили Беглову.

– Междугородний звонок? – насторожилась Зоя. – Не за наш счет?

– Думаю, что нет. Я с этим звонком вообще ничего не поняла. Слышно было ужасно. И Бегловой на месте не оказалось.

– Знаю, она сегодня на конференции. Ну и что они там хотели, в Бийске?

– Какая-то женщина рыдала и говорила про горные пещеры и уникального деда, которого посылкой должны были доставить в Москву...

– Деда – посылкой? – удивилась Зоя. – Чушь какая-то.

– Почему чушь? – Жанна широко распахнула глаза, хотя, казалось, дальше уже и некуда. – Беглова ведет раздел «Непознанное», так?

– Так, – согласилась Зоя, швырнув в корзину для мусора пластиковый стакан с присохшим к нему столетие назад чайным пакетиком.

– Курьер рассказывал, что в этот отдел однажды прислали свежее яйцо динозавра! Может быть, и деда пришлют... Наверное, он способен обходиться без воздуха.

В этот момент Марина Беглова как раз поднималась по лестнице на второй этаж. После многочасового сидения в душном зале и прогулки по раскаленной улице платье липло к телу, как обертка к растаявшей конфете. В старом здании было тихо и прохладно, словно в раю.

Первым, кого она встретила в коридоре, оказался Илья Погребинский, редактор юмористической странички. Более мрачного и ворчливого человека Марина в жизни не встречала. Он был высоким, тощим и носил длинные усы, которые напоминали пучок водорослей, зажатых между носом и верхней губой.

– К тебе прикрепили стажера, – сообщил Погребинский без предисловий.

– Ну да? – удивилась Марина. – И как он?

– Наглец. Полон юношеских амбиций.

Вдвоем они направились к кабинету Разгуляевой. Марина – отчитаться, Погребинский – посоветоваться. В руках он нес сверстанную страницу, исполосованную красным маркером. Жанна сидела за столом и, сложив губы бантиком, печатала письмо, то и дело путая клавиши.

– Ой, Марина! – воскликнула она, вскинув голову и похлопав ресницами. Поднятый ими ветер едва не сбил Погребинского с ног. – Вам тут звонили, а вас на месте не оказалось.

– Я была на уфологической конференции, – покладисто ответила та.

– Вы ездили в Уфу?!

– Уфологи – это не жители Уфы, – добродушно пояснила Марина, – а люди, которые занимаются неопознанными летающими объектами. Зоя Петровна на месте?

– Доложить?

– Пусть входят! – раздался королевский рык из-за двери.

Погребинский пробурчал себе под нос:

– Она слышит, как рысь.

У Разгуляевой действительно был потрясающий слух, и все, о чем говорилось «в кулуарах», она знала лучше завзятых сплетников. Сейчас главред сидела за столом, положив руки на пачку листов. На пальцах красовалось по меньшей мере пять колец – украшалась Зоя Петровна всегда от души и не знала в этом никакой меры.

– Что у тебя там в Бийске? – с места в карьер спросила она Марину. – Говорят, тебе из горных пещер отправили живую посылку. В посылке какой-то дед.

– Не может быть. Признайтесь, что вы пошутили.

Марина расстроилась. Среди читателей журнала попадались люди с богатым воображением, которые присылали на адрес «Непознанного» черт знает что. Последней «фишкой» была банка с муравьями, которые якобы обладали даром телепортации. Беспечные сотрудники отдела писем вскрыли банку, и муравьи разбежались по столу, а потом и по всей комнате. Телепортироваться, кстати, ни один из них не пожелал.

– Я никогда не шучу на работе. И если тебе звонят из Бийска, я хочу быть уверена, что платят они.

– Понятия не имею, кто звонил, – пожала плечами Марина. – И я ни о какой посылке слыхом не слыхивала.

Она твердо встретила взгляд руководительницы. Беглова вообще считала себя человеком твердым. А еще самостоятельным и деятельным. Хорошие, по ее мнению, качества. Одевалась она строго, чтобы хоть как-то уравновесить копну вьющихся волос и вечный румянец во всю щеку. Некоторые мужчины в редакции считали, что локоны рыжеватого оттенка и в придачу к ним зеленые глаза – то самое сочетание, которое свидетельствует о горячей крови и женском легкомыслии. Что ж, пусть тешат себя иллюзиями.

В настоящий момент сердце Марины оставалось свободным. Замужем она ни разу не была, и бабушка уверяла, что во времена ее молодости в свои двадцать восемь Марина считалась бы безнадежной старой девой. Жуткие времена и жуткие нравы.

– Когда мне захочется, чтобы в доме кто-то капризничал, я заведу ребенка, – заявляла Марина. – Что касается спутника жизни, то с меня хватило и Вани. С головой.

Бабушка и тетка в ответ на эти слова вздыхали. Иван Соловьев им обоим очень нравился, впрочем, как и всем остальным родственникам, которые по мере возможности принимали участие в Марининой личной жизни. Или пытались принимать. Особенно старались кузены, которых у нее имелось несчетное количество.

Марина с Иваном учились в одной школе, но роман между ними случился лишь много лет спустя. Иван переехал к ней, и почти год они жили вместе. До тех пор, пока Маринино терпение не лопнуло. Умный, веселый и заботливый кавалер на поверку оказался капризным, придиричивым, себялюбивым и мелочным типом. Компромиссами, на которые она шла ради сохранения мира и покоя в доме, можно было вымостить дорогу во все загсы города.

В конце концов совместная жизнь завершилась бурным скандалом, и Иван съехал, оставив после себя табачный дух, прожженный ковер и электронный будильник, купленный «в семью». Остальные свои вещи он вывез, а за теми, которые забыл, периодически возвращался – в то время, когда Марины не было дома. Потому что, когда Иван заставал ее, в квартиру она его не пускала. Чтобы забрать у Соловьева ключи, нужно было с ним встретиться, а ей ужасно этого не хотелось. Ничего хорошего не получится. Она предложила ему бросить ключи в почтовый ящик, но Иван отказался. Значит, рано или поздно придется с ним все-таки пересечься.

– Кстати, я взяла стажера, – вспомнила главная, выхватив из рук Погребинского страничку, которую тот перекладывал из одной руки в другую с такой скоростью, как будто она жгла ему пальцы. – Его фамилия Нащекин. Он сидит в твоей комнате и ждет ценных указаний. Будешь им руководить. Мальчик горит желанием учиться профессии. Куда бы ты ни пошла, бери его с собой. Пусть почувствует, что такое настоящая корреспондентская жизнь. И будь с ним почеловечнее.

Марина изумленно вскинула брови, и Разгуляева быстро добавила:

– Без всяких там твоих «сам догадайся» или «вам запечь или поджарить»!

– Я никогда... – возмущенно начала Марина.

– Ну да, ну да. В общем, иди и привлекай его к работе. Ты сейчас чем занимаешься? – Главред наморщила лоб, как будто действительно позабыла, над какой темой Марина работает. Вообще-то она все прекрасно помнила, тем более что тему эту «спустила» ей сама.

– Над дикими пчелами, Зоя Петровна. Пишу о том, какие города они строят и какое действие эти пчелограды оказывают на человеческий организм.

– Чудесно! – воскликнула руководительница, отодвинув труд Погребинского подальше от глаз с таким видом, словно на листе написана несусветная чушь. Впрочем, возможно, так оно и было. – Пчелы – это удивительные звери! Уверена, они поднимут наш рейтинг. И стажеру наверняка понравится его первая командировка.

– Командировка? – переспросила Марина.

– А разве ты не собиралась увидеть пчелиные города своими глазами? – воскликнула Разгуляева с таким неподдельным изумлением, словно та отказывалась взглянуть на инопланетян, которые водили под окном хороводы. – Тут недостаточно мнения специалистов. Нужен свежий человеческий взгляд.

Как будто у специалистов он нечеловеческий. Марина вышла из кабинета в приемную, где новая секретарша терзала клавиатуру компьютера, как начинающая пианистка благородный рояль.

– Есть такие компьютерные игрушки, с помощью которых можно научиться быстро печатать.

– Да что вы? – удивилась Жанна. – Но когда же я буду учиться? Зоя Петровна загрузила меня делами...

– Поучитесь дома в свободное время.

– Но у меня нет свободного времени!

– Что же вы делаете после работы? – ляпнула Марина, тотчас решив, что ее сейчас отбреют.

Однако Жанна с гордостью ответила:

– Ухаживаю за собой. Я же не собираюсь всю жизнь сидеть в секретаршах. Готовлю себя к настоящей работе. Мое тело должно быть безупречным. Потому что модели сейчас начинают уже в четырнадцать, а мне – страшно подумать! – двадцать два. Может быть, Париж я и не покорю, но здесь, в Москве, еще вполне могу подняться. Также есть шанс найти хорошего мужа. Тогда вообще не нужно будет работать!

Марина вздохнула. Некоторые женщины оценивают мужчину по достоинству купюр в его бумажнике.

Она пожелала Жанне удачи и выкатилась в коридор, мысленно сравнивая себя с красоткой секретаршей. Жизнь тела как основа существования... Может быть, она, Марина Беглова, живет не так, как нужно? И вообще какая-то неправильная женщина?

Однако, подойдя к двери в свой кабинет, она напрочь забыла об этих опасениях, испытав приступ сильнейшего раздражения: представила, как ей придется нянчиться со стажером и повсюду таскать его за собой. Еще неизвестно, какой у сопляка характер.

Когда она вошла в комнату, сопляк вскочил ей навстречу, и Марина от неожиданности отступила назад. Это был здоровый лось, причем довольно смазливый. Светлые волосы, по-детски округлые щеки и большие нахальные глаза обещали сделать ее наставничество довольно хлопотным делом. Такой экземпляр просто не мог быть скромным, работающим и сговорчивым. Наверняка он избалован мамой и девицами, языкаст и вреден.

Насчет вредности она ошиблась, а во всем остальном оказалась права на сто процентов.

– Здрасьте! – весело сказал стажер и без всякого смущения протянул ей огромную лапу с детскими мозолями от шариковой ручки. – Вы Марина, да? А я Лев Валентинович.

– Я так рада, – ехидно ответила та. – А почему по имени-отчеству? Готовитесь сместить с поста главного редактора?

– Нет, укрепляю самоуважение. – Он задержал ее ладонь в своей на несколько секунд дольше положенного: настоящий дамский угодник.

Марина хмыкнула:

– Ясно. Выходит, отчество – это пропуск во взрослую жизнь. Добро пожаловать в наш клуб, Лев Валентинович!

Она прошла к своему столу и опустилась во вращающееся кресло, которое, судя по всему, воображало себя старым диваном и отчаянно скрипело.

– Места полно, располагайся, – предложила Марина. – Хочешь – у окна, хочешь – напротив меня.

– Я лучше напротив, – поспешно ответил стажер и уселся прямо на выбранный стол, болтая ногой в огромном ботинке.

Если бы их работа требовала применения грубой физической силы, Марина обрадовалась бы такому помощнику несказанно.

– Зоя Петровна предупредила, что мы с вами будем работать над потрясающей темой, – блестя глазами, сообщил новый сотрудник отдела. – Расскажите мне скорее, я изнываю от нетерпения.

Вероятно, он думал, что им предстоит спускаться в бункеры, где проводятся секретные научные исследования по выведению людей-мутантов, или путешествовать по Амазонке на маленьком судне, чтобы сфотографировать огромную змею-людоеда, о которой местное население веками складывает легенды.

– Будем писать большой материал про пчел. – Марина полезла под стол за упавшим блокнотом, но успела заметить, как у стажера вытянулось лицо.

– Про пчел? – переспросил он, даже не собираясь скрыть свое разочарование. – Но ведь в пчелах нет ничего такого... непознанного.

– Это ты так думаешь, – тотчас возразила Марина. – И читатели тоже. Мед и прополис – вот все, что их интересует. Мы должны открыть людям глаза на пчел, – она решила процитировать Разгуляеву. – Рассказать о том, какие это умные и, не побоюсь этого слова, высокоорганизованные звери.

– А больше ничего нет? – промямлил Лев Валентинович. – Что у вас там в планах?

– В планах у нас кошки, которые проходят сотни километров и безошибочно отыскивают родной дом.

– У меня дома есть кот, – тотчас воодушевился стажер. – Он лакает пиво, после чего требует включить телевизор. Орет и прыгает до тех пор, пока не добьется своего.

– Хочешь, чтобы я взяла у него интервью? – спросила Марина, с радостью отметив, что уже пять часов и после сегодняшней чудовищно долгой конференции она вправе отдохнуть. – Итак, вот тебе первое задание.

Она поднялась на ноги и швырнула на выбранный стажером стол пластиковую папку на кнопке:

– Этих материалов вполне хватит для ознакомления с «пчелиной» темой. К завтрашнему утру подготовь примерный список вопросов, которые мы зададим биологу Васечкину. Листок с указанием его должности, перечислением чинов и наград лежит сверху.

Лев Валентинович немедленно полез в папку, достал список и длинно присвистнул:

– О! Пчелы, оказывается, могут сделать человеку неплохую карьеру!

– Карьеру делает голова, а не тема диссертации.

Марина побросала в сумочку всякие мелочи, раскиданные по столу, и повесила ее на плечо.

– До завтра, стажер! Не предлагаю прогуляться вместе до метро, потому что, во-первых, мне еще нужно забежать в турагентство, которое находится на двенадцатом этаже, а во-вторых, для тебя рабочий день еще не закончился.

– А мне что же, просто бумажки читать? – обиженно спросил Лев Валентинович ей в спину.

Спина не ответила и проследовала к лифту, чтобы вознестись на самый верх здания, к своим мечтам об отпуске на берегу теплого моря.

В турбюро Марину нагрузили информацией по самую макушку. И в обратный путь она пустилась, снабженная внушительной стопкой путеводителей. Кое-какие фотографии так ее заворожили, что она шла, не глядя себе под ноги и бормоча словно заклинания: Мальдивы, Кайруан, Аликанте, Сурабая... Названия курортов таяли на языке, словно мякоть экзотических плодов.

На площадке возле лифта стоял человек с набитым портфелем в руке. По правде сказать, кроме портфеля, Марина больше ничего и не видела, потому что продолжала рассматривать проспекты. Но когда они вдвоем вошли в лифт и оказались друг против друга, подняла глаза и едва не хмыкнула.

Пассажир с портфелем, пожалуй, был ее ровесником, и у него оказалось замечательное выражение лица. Как у мальчишки, который остался в квартире один и стоит перед буфетом с вареньем. Если бы он носил усы, их кончики наверняка были бы закручены вверх. Люди с такими лицами ходят в шляпах набекрень, не боятся плохой погоды и встречают неприятности не моргнув глазом. Они считают, что мир устроен чертовски здорово, и если вы не можете найти себе места в нем – это ваша личная проблема.

– Вам на первый? – спросил незнакомец мягким низким голосом.

Если в душе женщины существуют тайные струнки, такой голос не просто задевает их, а заставляет неистово вибрировать. Впрочем, Маринина душа не успела откликнуться на призыв, потому что в этот момент громко зазвонил мобильный телефон. Марина научилась доставать его за одну секунду и, едва лифт тронулся, уже приняла вызов.

– Марина! Марина, это ты?! – Крик ворвался в ухо с такой силой, что она скривилась.

Голос принадлежал сестре Ивана Соловьева. Волнуясь, она издавала те же звуки, что и лобзик, застрявший в толстом куске фанеры.

– Да, Наташ, это я. Что-то случилось?

– Случилось... – Послышалось звяканье, как будто в стакан наливают воду из бутылки. На несколько секунд все стихло, а потом голос вернулся вновь и выпалил: – Ваню убили!

– Что-что?

– Ва-а-а-ню... уби-и-и-или... – Крик перешел в сдавленный стон.

Марина почувствовала, что кровь отливает от лица, а ноги перестают чувствовать пол под ногами. Вероятно, она сильно побледнела и покачнулась, потому что человек с портфелем посмотрел на нее с растерянным изумлением и невольно протянул руку в ее сторону:

– Эй, что это с вами?

Тем временем телефон продолжал выть, выплевывая новые подробности ужасной драмы:

– Прямо у него в квартире... Кто-то Ваню душил... здоровый... Его шею сломали как карандаш... Из дома ничего не пропало... Все вещи на месте...

– Вы что, собираетесь упасть в обморок? – удивился попутчик.

Глянцевые проспекты веером посыпались на пол, возбужденно зашелестев страницами. Последнее, что Марина помнила, это глаза незнакомца, оказавшиеся прямо перед ней. Она успела заметить, что у него короткие и очень густые ресницы и абсолютно прямые брови – как будто господь бог рисовал их по линейке.

После чего обморок распахнул для нее свои благословенные объятия.

* * *

Очнулась Марина в холле первого этажа, на диванчике. Однако вместо незнакомца с портфелем увидела перед собой взволнованную физиономию Льва Валентиновича. Впрочем, вокруг было еще множество других физиономий разной степени озабоченности. Она шевель-

нула рукой, почувствовала нехорошую слабость во всем теле, но нашла в себе силы ее преодолеть. Оттолкнулась локтями от дивана и села.

– Пропустите! – раздался в то же мгновение знакомый рык Зои Разгуляевой. – Там моя сотрудница! Мне нужно все увидеть своими глазами.

Она двигалась от лифта к месту происшествия, расталкивая грудью людей, как ледокол льдины, и уже через несколько секунд материализовалась возле дивана. И тотчас воскликнула:

– Ага! Обморок, понимаю... Палитра мне не нравится – губки синие, лобик белый.

– Зоя Петровна... – начала было Марина, но главред ее перебила:

– Будем считать это производственной травмой. И то подумать – провести шесть часов в компании с людьми, верящими в зеленых человечков! Это кого хочешь доведет до обморока. Завтра можешь не приходить, и послезавтра тоже. Потом отпишешься. А пчелы подождут. Кроме того, у тебя теперь стажер есть – распорядись им по своему усмотрению. Да, и за руль не садись, это опасно.

– Я без колес. Сегодня я каталась по центру, а там негде парковаться.

– Ну, тогда домой тебя отвезут на моей машине.

– Нет, я лучше по свежему воздуху, – слабым голосом сказала Марина.

Разгуляеву возил шофер, потому что хотя она и умела водить машину, но делала это топорно и постоянно оказывалась на грани лишения водительских прав.

– Действительно, – пробормотала главред. – У Толика в салоне пахнет гнилью. Я уж подумываю, не занимается ли он в свободное время перевозкой трупов?

При этих словах Марина побледнела еще больше. Зоя ободряюще потрепала ее по щеке, оставив на ней красные следы, и двинулась обратно к лифту, побрякивая ожерельем, обмотанным вокруг шеи.

– Я провожу вас до дому, – заявил стажер, глядя на пострадавшую с твердостью начальника экспедиции, не принимающего возражений от членов отряда. – У вас в самом деле совершенно жуткий вид.

– Ладно, – согласилась Марина, опираясь на предложенную руку. – Провожай.

Проковыляв через холл, они вышли из здания на улицу, где свежего воздуха было не больше, чем в духовом шкафу.

– Лучше бы вы согласились поехать на машине и потом сразу легли, – высказал здравую мысль Лева.

– Я не могу лежать, – возразила Марина. – Мне нужно переварить одну неприятную новость.

Дело, впрочем, предстояло непростое. Такая новость подобна булыжнику, с которым вряд ли справится даже луженый желудок.

– Что за новость? – тотчас заинтересовался любопытный стажер. – Что-нибудь личное?

Марина посмотрела на его физиономию, которую юность подсвечивала изнутри, и решила выложить все как есть. В конце концов, в ближайшее время им предстоит много времени проводить вместе. Придется делиться информацией, иначе ничего путного из их дуэта не получится.

– Мне только что сообщили, что умер мой друг.

– Близкий друг? – тут же переспросил Лев Валентинович. – Ну... личный? Бойфренд?

– Да, но вообще-то он бывший бойфренд. Хотя мы вместе жили довольно долго. Его убили. Он недавно съехал от меня, но все равно... Мне позвонила его сестра, как раз когда я спускалась в лифте.

– Убили?! – Стажер мигом ухватил главное из ее сумбурных объяснений.

– Я пока не знаю никаких подробностей, потому что не дослушала. Отключилась, как ты мог видеть. Кстати, – она оглянулась на здание, из которого они только что вышли, – а куда подевался тот тип с портфелем?

– Какой тип?

– Мы ехали с ним вместе в лифте. И когда у меня закружилась голова, он не дал мне упасть.

– Не знаю, я не видел никакого типа, – пожал плечами Лев Валентинович. – Секретарше позвонил охранник и сказал, что вам плохо. Я хотел сразу вызвать врача, но тут прибежала какая-то женщина с усами и заявила, что сначала нужно во всем как следует разобраться.

– Это Лариса Капуста, – хмыкнула Марина. – Она обожает принимать решения, не задумываясь о последствиях.

Лариса действительно предложила во всем разобраться, но предоставила это другим, а сама улетела по очередному срочному делу.

– Давай пройдем дворами до трамвайной остановки. В метро я ни за что не поеду. А из трамвая хотя бы можно быстро выйти, если мне станет совсем невмоготу.

Льву Валентиновичу было ровным счетом наплевать, на чем ехать. Хотя на метро, конечно, получилось бы быстрее. Впрочем, его организм запросто справлялся с любыми недомоганиями, поэтому юноша плохо понимал, почему Марина столь категорично возражает против спуска под землю. Обморок-то уже закончился.

Всю дорогу, пока они тряслись в душном вагончике, он приставал к ней с вопросами:

– А как звали вашего бойфренда?

– Иван Соловьев.

– А почему он съехал? Это он вас бросил?

– Какая тебе разница? – Марина отрешенно смотрела в окно, за которым тянулись улицы, запруженные автомобилями, привезенными со всего света.

– Что значит – какая разница? – удивился Лев Валентинович. – Если это он вас бросил, то вас обязательно станут подозревать. Вы могли приложить к этому руку.

О том, что ее будут подозревать, Марина как-то совсем не думала. Может быть, ее уже разыскивает милиция? В первую очередь всегда подозревают жену или мужа. Ну, а в данном случае, конечно, нацелятся на нее. Господи, ее посадят на металлический стул в пустой комнате и начнут запугивать. Может быть, на нее будет орать какой-нибудь особо ретивый следователь...

– У вас есть адвокат? – неожиданно спросил стажер, положив ногу на ногу, благо в трамвае было мало народу.

– Ага. Перри Мейсон, – в тон ему ответила Марина. – Не говори глупостей, откуда у меня личный адвокат?

– А родители?

– Родителей тоже нет. Но есть куча других родственников. Например, дядя Арсений. Кстати, нужно срочно ему позвонить.

Арсений Андреевич Старостин был палочкой-выручалочкой для всей родни, которой он покровительствовал. Он нежно любил своих троюродных сестер, внучатых племянников, сводных братьев и четвероюродных внуков. Для них он подбирал хорошие колледжи и престижные музыкальные школы, договаривался о поступлении в институт и отсрочке от армии, помогал найти стоящего врача или парикмахера, ссужал деньгами попавших в безвыходную ситуацию студентов, делал неожиданно щедрые подарки на дни рождения. И при этом немного бравировал собственной незаменимостью и безотказностью. Так может относиться меценат к ученикам бедной школы, на нужды которой он периодически дает деньги. Впрочем, эту маленькую слабость ему все охотно прощали.

Арсений Андреевич занимался модным и современным делом – интернет-продажами, что приносило ему не только постоянную прибыль, но также позволяло налаживать связи в самых разных слоях общества. Марина была его любимицей, и в критической ситуации он, конечно, придет ей на помощь.

Лев Валентинович довел ее до квартиры и немедленно предложил:

– Может быть, мне побыть с вами? Я просто посижу на кухне.

Судя по всему, у него была нормальная семья, которая неплохо его воспитала. Юноши, способные в таком возрасте проявить такт, встречаются все реже.

– Не стоит, – ответила Марина. – Я приду в себя, а потом поеду... на место происшествия. Нужно же мне с кем-то поговорить. С сестрой, со следователями. И вообще... Необходимо что-то предпринять...

Голова у нее шла кругом, и на самом деле она не очень хорошо представляла, как будут развиваться события. То, что она не останется в стороне от расследования, это совершенно точно.

Спасла ее, как ни странно, пресловутая уфологическая конференция. Следователь действительно разговаривал с ней, но был предельно вежлив. Милиции удалось довольно точно установить время убийства. Именно в этот момент Марина сидела за большим столом, а рядом стояла табличка с ее именем. Мероприятие снимали тележурналисты, было сделано огромное количество записей. Десятиминутные перерывы, на которые время от времени прерывалась конференция, не давали возможности съездить домой к Ивану, прикончить его и вернуться обратно. Кто сказал, что женщина не может сломать шею мужчине, особенно если она находится в ярости?

Марина рассказала про разрыв с Иваном все без утайки. Следователь, казалось, был удовлетворен, однако попросил прийти ее на следующий день для уточнения деталей.

– Возможно, вы что-нибудь вспомните, – с надеждой сказал он на прощание. – Какие-то звонки, подозрительных знакомых...

Она пообещала подумать и поплелась домой. С большим трудом, но ей все же удалось подавить желание сесть за руль. Говорят, что водителям противопоказаны сильные эмоции. Злиться на Ивана было так просто, а принять его смерть – очень тяжело. Кто-то безжалостно набросился на него в собственной квартире! А она даже не захотела его выслушать... Как все ужасно!

Чтобы заснуть, пришлось выпить «снотворную таблетку», как говаривала бабушка. А наутро ее разбудил настойчивый звонок в дверь. Она прошлепала по коридору, не включая света. За дверью обнаружился Лев Валентинович с пакетом бутербродов под мышкой.

– Кофе, чай у вас есть? – спросил он с порога. – Вам нужно хорошо позавтракать.

Решительный настрой, вероятно, являлся следствием неуверенности – мальчишка боялся, что его выгонят. Проведенные в редакции годы позволяли Марине смотреть на свежеепеченного выпускника вуза именно как на мальчишку. Рядом с ним она чувствовала себя умудренным опытом специалистом.

– Проходи, – велела Марина, отступив в сторону.

Ни он, ни она не заметили, как в темноту коридора легко и незаметно проникла белая персидская кошка Розамунда, любимица Мариной соседки по лестничной площадке Маргариты Витальевны Шустер. Розамунда была избалована сверх всякой меры и ни в чем не знала отказа. Несколько минут назад, когда глава семьи уходил на работу, она проскользнула мимо него в подъезд, взлетела по лестнице на площадку верхнего этажа и сидела там до тех пор, пока ее не спугнул залязгавший лифт. Прижав уши к голове, Розамунда ринулась обратно, и тут – какая удача! – узрела приоткрытую дверь. Пусть чужая квартира, но все хоть какое-то убежище!

Пока Марина принимала душ, а стажер накрывал стол к завтраку, кошка пряталась под кроватью.

– Давай я буду говорить тебе «ты»? – предложил Лев Валентинович, заглатывая куски омлета, который он сам же и изготовил на огромной сковороде.

– Давай. Хотя по этикету это должен предложить тот, кто старше.

– Ну, и насколько ты старше? – презрительным тоном спросил стажер.

Марина перестала жевать и посмотрела на него с подозрением:

– Только, пожалуйста, не воображай невесть что, хорошо? Мы будем заниматься исключительно пчелами. Здоровые деловые отношения. Мы товарищи.

– Я ничего такого и не думал, – соврал Лев Валентинович, слегка скиснув.

Впрочем, его плохого настроения хватило ровно на две минуты. Затем здоровый дух победил, и он снова сделался похожим на любопытного галчонка.

– А о чем тебя расспрашивали следователи?

– Обо всем и ни о чем. Мотив преступления, видишь ли, совершенно непонятен. Как преступник проник в квартиру? Если убийцу впустил Иван, значит, он его знал. И вот что важно – из квартиры ничего не похищено. Ни деньги, ни дорогие вещи... А еще способ убийства... Страшно даже представить такое. Следователь говорит, убийца был или очень сильным, или находился в состоянии аффекта.

– Тебе ужасно повезло, что ты сидела на той конференции, – в очередной раз заметил стажер. – Кому ж еще быть в состоянии аффекта, как не брошенной невесте?

– Никто никого не бросал, – возразила Марина, заставив себя проглотить кусок сыра.

Как выяснилось, Лев Валентинович приготовил бутерброды собственноручно, и отказаться от еды Марина сочла невежливым. Кроме того, бутерброды были вкусными – мягкое сливочное масло пропитало ноздреватый хлеб, а на ломтиках сыра лежали прозрачные колесики помидоров и нежные салатные листики.

– Ага, а ты докажи это ментам, если у тебя нет алиби.

Марина вздохнула, соглашаясь. И тут же сказала:

– Очень мило, что ты проявил заботу, но я не могу целый день провести взаперти. Мне уже пора собираться на встречу со следователем. Придется тебе ехать в редакцию одному и там корпеть над пчелиным досье.

– А можно я останусь у тебя? – с надеждой спросил мальчишка, озираясь по сторонам.

– Зачем это?

– Ну... У тебя так клево. Своя квартира и все такое. Я бы музыку поставил. Я у тебя халву видел. Можно съесть кусочек?

– Ладно, оставайся, – разрешила Марина. – Ешь свою халву. И вообще можешь съесть все, что захочется, кроме кактусов.

По правде говоря, было даже хорошо, что он здесь остается. В трудные минуты всегда приятнее возвращаться в дом, где тебя кто-то ждет, пусть даже это всего лишь стажер.

– К телефону не подходи, у меня автоответчик. И вообще – все нужные люди знают номер моего мобильного.

– А если кто-нибудь придет? – спросил Лев Валентинович, облизывая пальцы. За халву он принялся сразу, как только получил «добро».

– Действуй по обстановке, – ответила Марина. – Импровизируй. Если будут спрашивать, кто ты такой, можешь сказать, что ты сын моей подруги.

– Лучше скажу, что я твой сын.

– Ну, ты не очень-то прибавляй мне годы.

– Приемный, – быстро добавил Лев Валентинович. – Значит, можно всех впускать?

– Вот именно.

Марина и представить себе не могла, какие последствия повлечет за собой ее легкомысленное разрешение. Она была убеждена, что на самом деле никто не придет. Все отлично знают, что в такое время она на работе. Иногда по подъездам ходили оптовики и предлагали сахар в мешках, но люди покупали мешки все реже – привычка делать гигантские запасы еды постепенно отмирала. По какой-то невероятной случайности мог явиться местный водопроводчик,

который вроде бы существует, хотя его никто не видел. Впрочем, это уже из области фантастики.

* * *

Сначала Марина отправилась на вторую встречу со следователем. К разочарованию последнего, никаких событий, способных пролить свет на гибель Ивана, она не вспомнила. Почти два часа длился разговор, который не принес ничего нового. Следователь делал какие-то пометки, но был мрачен – раскрыть преступление по горячим следам не удавалось.

Марина и сама постоянно думала о том, кто мог убить Ивана и за что. Ей представлялся огромный тип, похожий на Годзиллу, который снес с петель дверь и в слепой ярости набросился на совершенно незнакомого человека... Однако с дверью все было в порядке.

– С дверью все в полном порядке, – подтвердила сестра Ивана, к которой Марина отправилась после разговора со следователем.

Вообще-то женщины не слишком жаловали друг друга, но сейчас обнялись, словно близкие подруги. Наталья была высокой дамой. Из тех, которым худоба противопоказана категорически. Однако желчный характер не позволял доброму жирку осесть на ее ребрах и хоть немного сгладить все острые углы, которые и делали ее такой неуютной. Кроме того, главный бастион женственности – прическа была подобрана неправильно и совсем ей не шла.

Тем не менее брата она любила и переживала его смерть тяжело. В ее челке Марина заметила новую седую прядь.

– Известие о чьей-то смерти – как наркотик, – горько усмехнулась Наталья. – Одновременно и тонизирует, и разрушает организм. Я чувствую, будто у меня внутри все сделано из железа. Все эти части трутся друг о друга и мешают есть, дышать, вообще – жить.

– В голове не укладывается, – выдавила из себя Марина, устроившись на стуле. Наталья привела ее на кухню и налила две чашки чая, хотя ни одна, ни другая не испытывали жажды. – Я постоянно думаю о том дне, когда убили твоего брата. Вспоминаю, как сама провела то утро, как вышла с конференции. А Ваня в это время уже был мертв. Кстати, ты не знаешь, что он делал в тот день?

– Знаю, – кивнула Наталья. – Он ездил к тебе.

– Ко мне?!

Вот уж чего Марина совсем не ожидала! Иван был у нее в день убийства, а она об этом даже не догадывалась.

– Он позвонил мне от тебя, – пояснила хозяйка. – Все не мог придумать повод поговорить с тобой по душам. Хотел помириться...

– Надеюсь, ты не винишь меня... Мы расстались по обоюдному согласию...

– А, – махнула рукой убитая горем сестра. – Теперь все равно.

– Может быть, он сказал тебе что-нибудь... такое... – предположила Марина. – Что-нибудь важное, что может навести на след. Хорошо помнишь ваш разговор?

– Следователи заставили меня вспомнить. Иван обсуждал какие-то бытовые мелочи. И лишь в самом конце сказал, что решил испытать последнее средство для примирения с тобой.

– Что же это за средство? – напряглась Марина. – Последнее, говоришь?

– Я не знаю, он не стал ничего объяснять. Я думала, ты знаешь. Что за последнее средство?

– Нет, я даже представить себе не могу. А он не говорил, что собирается с кем-то встретиться?

– Да нет, конечно, – отмахнулась Наталья. – Если бы он сделал хоть один намек, может быть, убийцу уже нашли бы.

Они еще некоторое время говорили об Иване, и ни одна так и не притронулась к чаю. Наконец Марина поняла, что нужно уходить, иначе Наталья окончательно скиснет, она и так держалась из последних сил. Кроме того, визит был тяжелым и для самой Марины.

Очутившись на улице, она некоторое время стояла возле подъезда, пытаясь примириться с неизбежным. Мимо шли люди, ехали машины, солнце золотой монеткой сияло в небе, голуби ходили по газонам, переваливаясь, как перекормленные утки. Неожиданно Марина почувствовала головокружение. Дурное предчувствие подкатило к горлу, словно приступ тошноты. Она оперлась рукой о стену дома и несколько минут приходила в себя.

Впервые ей в голову пришла ужасная мысль о том, что убийца Ивана на свободе и может нацелиться еще на кого-нибудь. На нее, например. То, что Иван накануне своей гибели входил в ее квартиру, как будто связало ее с убийцей невидимыми нитями. Это было неприятное и тревожное чувство. Марина пронесла его через весь город почти до самого дома. Ах, ну что ей стоило пройти вдоль магазинов и свернуть во двор, где всегда полно народу и находится, к слову сказать, местное отделение милиции? Так нет же, ее понесло под арку. Называется: сократила путь.

Через эту чертову арку можно было попасть в маленький дворик позади дома, окруженный жестяными коробками гаражей. Никогда, ни разу Марина в глаза не видела их владельцев, как будто машины сюда загоняли лишь для вечного упокоения.

Поэтому тихий рокот мотора за спиной сразу же ее насторожил. А когда послышался звук открываемых дверей, она твердо решила оглянуться. Но не успела. Вернее, она оглянулась, однако слишком поздно: два здоровых парня в открытых майках, которые делали их похожими на штангистов, были уже в двух шагах от нее. Одинаковые бритые головы, одинаково равнодушные рожи.

Конечно, она попыталась закричать, но не успела издать ни звука. От ладони одного из нападавших, который зажал ей рот, пахло фруктовыми леденцами. Это был такой неподходящий запах, что Марина на какой-то момент перестала брыкаться. Чудовищная сила втащила ее в автомобиль и швырнула на заднее сиденье. Она кое-как собрала конечности в одну кучу, когда оба мордоворота стиснули ее с двух сторон своими мощными торсами.

За рулем машины сидел еще более внушительный «шкаф», у которого вообще отсутствовала шея. Руки он держал на руле. И почему-то при взгляде на эти жирные розовые руки, покрытые редким пушком, Марина поняла, что вот сейчас, в эту минуту, видит убийцу Ивана. Можно назвать это шестым чувством, прозрением – как угодно. Она знала это совершенно точно, как то, что у людей два уха, а у птиц два крыла.

Машина попятилась и выползла на улицу, развернувшись мордой к светофору. Однако дальше она не двинулась – приткнулась к тротуару и замерла. Хотя мотор продолжал тихонько урчать.

Тем временем голова без шеи сделала вращательное движение, и на Марину уставилась пара глазок, которые вполне могли бы принадлежать кабану или медведю. Казалось, что чудовище сейчас издаст рык, но оно сказала тонким, каким-то даже смешным голосом:

– Испугалась? И правильно. Бойся. Тебе есть чего бояться.

– Что вам от меня нужно? – выдохнула Марина, не в силах поверить, что опасность – смертельная и что через минуту ей могут свернуть голову.

– А как ты догадалась, что нам что-то от тебя нужно? – с издевкой спросил «шкаф». – Проницательная, да? Нам действительно кое-что нужно. Ты должна была получить посылку. Из Бийска. – Марина вздрогнула. – А получил ее твой дружок. И не захотел сказать, где он ее припрятал. За что и поплатился.

«О господи! Ивана убили из-за меня», – забилась мысль в голове у Марины. Это было так страшно, что она обмякла, словно надувная игрушка, которую проткнули шилом.

Посылка из Бийска! Что-то было такое, связанное с этим Бийском... Звонок в редакцию, ну конечно! Звонок по поводу этой посылки. Новая секретарша ничего не смогла разобрать и просто повесила трубку. Потом посылка пришла, Иван получил ее вместо нее, Марины, и был убит в собственной квартире, потому что не захотел сказать вот этим самым бандитам, куда он ее запрятал.

Но почему?! Почему не захотел сказать? Что такого было в той посылке, что заставило его молчать под страхом смерти? Не дед же, о котором говорила Разгуляева.

– Я ничего не знаю ни о какой посылке! – вслух сказала Марина.

– Верим, что не знаешь. Ты и не можешь ничего знать. Но мы тебя просветим. У тебя есть двоюродная сестра Таня Зотова, верно?

– Верно, – помертвевшим голосом ответила Марина.

Вот оно! Бийск. Конечно, это Горный Алтай. Таня – спелеолог, аспирантка Томского университета, постоянно в экспедициях, обследует пещеры. Она запросто могла отправить ей какую-то посылку. Звонила недавно, говорила, что скоро приедет на несколько дней в Москву. Собиралась, как всегда, остановиться у нее.

– Так вот, Таня в наших руках, – сказал «шкаф».

Кровь ударила Марине в голову. Потом тело налилось свинцом. Как будто ее сначала полили горячим сургучом, а затем пристукнули печаткой. Оглушенная, она ждала продолжения.

– Таня у нас и будет в наших руках до тех пор, пока ты не найдешь книгу, которую эта дрянь у нас украла. Старинную книгу, о-о-очень дорогую.

– Дорогую?

– Именно столько стоит жизнь твоей сестрицы.

Марина прикусила язык, а «шкаф» как ни в чем не бывало продолжал:

– Она украла книгу и разодрала ее на части.

– Разодрала?!

– Молчи и слушай. Одну часть она отправила по почте на твой адрес. Посылку получил твой дружок Соловьев. – Бандит говорил уверенно, поэтому Марина не стала ставить под сомнение его слова. – Кроме тебя, вряд ли кто может догадаться, где он ее спрятал. А про то, куда делась вторая часть, сестрица сама тебе расскажет – по телефону. Мы разрешим ей позвонить. Она уже пыталась один раз с тобой покалякать, но ты ж у нас деловая и на месте не сидишь. А мобильник то и дело отключаешь. Значит, так. Найдешь книгу – получишь сестру обратно. Вякнешь кому-нибудь о нашем разговоре, девка сразу умрет. Ты мне веришь? – будничным тоном спросил он.

Марина верила. Еще как верила! Все ее внутренности от страха свернулись в один маленький комочек, который мог бы запросто уместиться в дамской сумочке. В центре этого комка вздрагивало придушенное сердце.

– Да, кстати, – вспомнил «шкаф», глупо хихикнув. – Мы не познакомились. Меня кличут Колей. Это чтоб ты меня ни с кем не перепутала, когда я стану тебе звонить и справляться об успехах. И смотри: пойдешь в ментовку, получишь еще одну посылку, с ушами своей сестрицы, поняла?

Ответить Марина не успела. Да никто и не ждал от нее ответа. Один из бугаев выбрался наружу, после чего ее просто вытолкнули из машины. Она едва не свалилась на асфальт, и пока размахивала руками, удерживая равновесие, машина умчалась, противно взвизгнув шинами. Марина посмотрела ей вслед со смешанным чувством страха и облегчения.

Весь разговор занял буквально несколько минут, хотя ей казалось, что с того момента, когда ее понесло под арку, прошла целая вечность. Никогда в жизни она не повторила бы этот маневр, если бы не увидела в ту же минуту, как туда въехала сначала машина с красным крестом на боку, а потом два милицейских автомобиля. Сердце рвануло с места в карьер. А вдруг

перед тем, как подкараулить ее на задворках дома, бандиты побывали в квартире и что-нибудь сделали со стажером?

Марина побежала так быстро, что все слилось в одну сплошную разноцветную линию. В боку сразу закололо, как будто она вышла на пробежку после недельного обжорства. «Господи, только бы он был жив!» – молила она, делая последний отчаянный рывок.

Первым, кого она увидела во дворе, как раз оказался Лев Валентинович. Он стоял в центре большой толпы и выглядел живее некуда. Его окружал целый взвод: милиция, врачи, участковый, куча соседей. А ее стажер – восторженный, с бешено блестящими глазами и бадминтонной ракеткой в руке – завопил, едва она возникла в поле зрения:

– Марина! Ты не представляешь себе, сколько народу заходило в твое отсутствие!

* * *

Когда Марина ушла, ее гость отправился доедать халву, после чего честно вымыл посуду и проследовал в комнату. Тут-то он и обнаружил жирную белую кошку, сидевшую на диване.

– Вот это да! – воскликнул Лев Валентинович, хлопнув себя по бокам. – Привет, красотка! Нас почему-то не познакомили.

Он сразу понял, что это не кот, а именно кошка – только у существ женского пола бывает такое капризное выражение лица или морды. Розамунда отвернулась, сделав вид, что в комнате она по-прежнему одна. Впрочем, когда Лев Валентинович отправился звонить по телефону, капризница не выдержала и последовала за ним.

Письменный стол стоял у стены, над ним возвышался небольшой стеллаж, заставленный всякой всячиной. Как только стажер уселся и потянулся к трубке, кошка совершила прыжок и очутилась возле его локтя. Затем совершила второй прыжок и взлетела на самую верхотуру. Вернее, попыталась взлететь. Раскормленная Маргаритой Витальевной, она потерпела позорное фиаско и рухнула вниз. Вслед за ней посыпались стопки блокнотов, канцелярские принадлежности и коробка с гуашью. В красной баночке гуашь оказалась совсем жидкой. И когда с нее слетела крышка, она брызнула в разные стороны праздничным фейерверком.

Лев Валентинович ахнул и вскочил с места, затравленно озираясь. С мебелью и ковром все было в полном порядке – пострадали лишь кое-какие бумажки. Но вот кошка! Ее шубка была вся в алых пятнах, и даже на макушке красовалась красная кардинальская «шапочка».

Мальчишка нашел на батарее сухую половую тряпку, отловил животное и попытался стереть краску, но сделал только хуже. В отчаянии он позвонил матери и нарочито бодрым голосом спросил:

– Ма, я тут испачкал чужую кошку, что делать? До встречи со мной она была совершенно белая.

– И чем ты ее облил? – спросила мать, явно занятая своими делами.

– Красной гуашью.

– О господи! – Было слышно, что на другом конце провода что-то упало. Вероятно, она уронила с носа очки. От неожиданности. – Левушка, тебе же не пять лет!

– Ма, мне некогда пререкаться. Это кошка моей начальницы, и начальница скоро вернется.

– Главное, не давай ей вылизываться! Кошке, разумеется. Придется тебе ее вымыть, чтобы она не отравилась. И еще нужно вызвать ветеринара – обязательно! Или вот что... продиктуй мне адрес, я сама вызову. У тебя есть деньги?

Лева продиктовал адрес и заверил, что деньги у него есть. Потом оглянулся через плечо и увидел, что Розамунда уже сидит на заднице и активно работает языком. Язык у нее тоже был в гуаши.

Мальчишка швырнул трубку на рычаг и кинулся ловить пострадавшую, но той не хотелось, чтобы ее обтирали половой тряпкой, и она бросилась наутек. Минут через десять схватка завершилась полной и безоговорочной победой хомо сапиенса.

– В природе побеждает тот, кто крупнее, – сообщил Лев Валентинович Розамунде, тяжело дыша.

У зверюги были огромные когти, и, чтобы она не исцарапала его, охотник завернул ее в ту самую половую тряпку, от которой она бегала. Розамунда стала вырываться из рук с недюжинной силой. В ее круглых глазах стоял ужас. Мало того, она неожиданно издала длинный тоскующий крик.

А уж когда ее мучитель включил воду и мощная струя ударила в эмалированную ванну, бедняжка совсем обезумела. Пришлось срочно переключаться на душ. В конце концов, откуда он мог знать, что это ранимое создание привыкло мыться в тазу?

Лев Валентинович приложил немало усилий, чтобы удержать животину на месте. Она стояла на задних лапах, намертво вцепившись передними в бортик и вопила так, как будто ее резали на сотню маленьких кошек. Это были то высокие и пронзительные звуки, то низкие и глубокие «мау». Лев Валентинович подумал, что, если бы существовала кошачья опера, Розамунда, несомненно, считалась бы там примадонной.

Не успел он как следует промыть заляпанную шерсть, как вдруг заметил, что пена получается отчего-то коричневого цвета. И вода в сток стекает тоже коричневая. Одной рукой прижимая кошку за шею к ванне, другой он схватил тубик, которым пользовался, и поднес к глазам. На этикетке было написано: «Оттеночный шампунь». Отлично! В пылу битвы слово «оттеночный» ускользнуло от его внимания.

Судя по всему, жизнь Розамунды висела на волоске. Перепугавшись еще сильнее, чем прежде, беспокойный гость схватил кусок мыла и принялся намыливать несчастное животное с такой скоростью и ловкостью, словно был профессиональным мойщиком кошек.

Крик жертвы сделался непрерывным и таким душераздирающим, что слушать его без содрогания мог лишь очень черствый и жестокий человек. Соседи, кстати сказать, таковыми не были. Все, кто оказался дома, тревожно замерли. В том числе и Маргарита Витальевна, которая была уверена, что ее любимица спит в своем войлочном домике под батареей. В конце концов двери квартир начали открываться, головы высовываться и переговариваться.

После небольшого стихийного собрания и пары коротких вылазок стало ясно, что крики доносятся из квартиры двадцать семь. На звонки в дверь никто не открывал – Лев Валентинович в ванной их просто не слышал.

– Разве у Бегловой есть кошка? – спросил дед Сидор, глядя на всех поверх очков.

– Вероятно, теперь есть, – ответил кто-то. – Кстати, у Маринки новый дружок. Наверное, она сама на работе, а этот болван издевается над животным. И дверь, конечно, нам не откроет.

Подзуживая друг друга, соседи решили вызвать участкового. Почетную миссию взяла на себя Маргарита Витальевна. Ждать представителя правоохранительных органов пришлось недолго, если учесть, что отделение милиции находилось в соседнем подъезде.

Лев Валентинович сделал все, что мог. Кое-как отжав из кошки воду, он решил, что тут уж не до церемоний, и завернул ее в толстое банное полотенце, висевшее на крючке. Кошка как бешеная рвалась наружу, причем казалось, что после помывки силы ее утроились. Стажер скрутил ее в кокон и прижал к груди. Рубашка немедленно промокла вместе с полотенцем – Розамунда была дамой пушистой.

И тут раздался звонок в дверь. Вместо того чтобы спросить, кто пришел, измочаленный Лев Валентинович распахнул дверь. Предварительно, правда, выпустив из полотенца Розамунду, которая была теперь вовсе не похожа на кошку. Огромными прыжками та умчалась в комнату.

На пороге возник милиционер в полном обмундировании – грузный и потный. Лицо его было красным и суровым. Красным – от жары, суровым – по долгу службы.

Мысль о том, что милиционер явился из-за кошачьих криков, просто не пришла Льву Валентиновичу в голову. Особенно в связи с убийством Маринино бойфренда. Тем временем участковый представился и, двинув бровями, грозно спросил:

- Ну-с, давайте разбираться.
- Давайте, – ответил Лев Валентинович. – А что такое?
- Кое-кого здесь нужно арестовать.

В двух соседних квартирах открылись маленькие, с волосок, щелки. В щелках блестели возбужденные глаза.

- Да она сама пошла в милицию, – обиженно ответил стажер.
- Надо же, прям так и пошла? Заявление писать?
- Она ни в чем не виновата. У нее алиби есть на время убийства.
- Убийство? – Милиционер так сильно удивился, что даже перестал шумно дышать. –

Какое убийство?

– Он убил кошку, – шепотом сообщил дед Сидор своей жене, на цыпочках прокравшейся в коридор.

- Ну, из-за которого вы пришли, – неуверенно ответил стажер.

Участковый молча соображал.

- Ваши документы, – наконец потребовал он.
- Вы не имеете права! Здесь частная собственность.
- Покажите паспорт с пропиской. По моим сведениям, тут живет Беглова.
- А я – ее друг и тоже здесь живу, – хорохорясь, заявил Лев Валентинович. И даже выставил вперед одну ногу.

При этих его словах в подъезде кто-то громко хрюкнул. Участковый даже головы на повернул. Стажер сделал шаг в сторону и увидел, что на ступеньках стоит усатая женщина с папкой, прижатой к груди, – корреспондентша журнала. Вероятно, она поднималась пешком по лестнице, но Лев Валентинович ее не заметил из-за капитана.

Корреспондентшу прислала Зоя Петровна – показать Бегловой кое-какие исправления в материале. Обычно главред правила тексты твердой рукой, но в случае с «Непознанным» иногда заходила в тупик. Заодно она велела проверить, как там дела у бедной девочки. Увидев смазливую стажера, встрепанного и румяного, и услышав его слова, усатая решила, что с бедной девочкой все в полном порядке.

Лев Валентинович, в свою очередь, узнал ту самую Ларису Капусту, которую один раз видел в редакции. Вернее, он вспомнил, что ее фамилия Капуста – разве такое забудешь? А вот то, что она Лариса, забыл напрочь. Не мог сообразить, как ее зовут, и все тут. Поэтому, когда корреспондентша развернулась и потопала вниз, растерянно крикнул:

- Э-э-эй! Капуста! Капуста!

Участковый обернулся, посмотрел на пустую лестницу и спросил:

- Кому это вы кричите?
- Капуста, – ответил раздосадованный Лев Валентинович.

«Эге, да парень-то трехнутый, – решил участковый. – Недаром бдительные соседи мне позвонили. Может быть, он даже буйный. Нужно медиков вызывать».

– Капуста – женщина, – решил пояснить Лев Валентинович, заметив, что участковый в ступоре.

Однако его объяснение возымело какое-то странное действие. Страж порядка отступил на два шага, приложил руку к козырьку и сказал:

- Советую вам пока что запереть дверь. Не гуляйте по лестницам.

Пятясь, он вызвал лифт, втиснулся в него и уехал, сосредоточенно глядя в пространство прямо перед собой. Как только за стажером закрылась дверь, дед Сидор и Маргарита Витальевна выкатились на лестницу и побежали бегом на первый этаж, хлопая тапочками.

– Надо медиков вызывать, – увидев их, сообщил участковый. – Парень явный псих. Может, у него и кошки никакой нет, а это он сам мяукает.

– Да у Бегловой точно нет кошки! – подтвердила Маргарита Витальевна. – Или она завела кошку, а парень ее убил. Кстати, на первом этаже живет психиатр Туракович, можно попросить его взглянуть на этого типа.

Тут же как по заказу Туракович вышел из своей квартиры – в светлом костюме и при галстуке. В руках у него был «дипломат» под крокодила. Ему в двух словах объяснили суть проблемы, и, загипнотизированный милицейским мундиром, доктор согласился на эту проблему взглянуть.

Тем временем Лев Валентинович возвратился в комнату и увидел вместо кошки мокрую крысу, которая сидела на диване и с остервенением вылизывалась. Начала она с пуза и задних лап, и те места, которые уже слегка подсохли, оказались ярко-розовыми.

– Вот невезуха! – расстроился стажер. – Где же этот чертов ветеринар?

Он принялся мерить шагами комнату, но не успел даже примять как следует ворс ковра, как в дверь снова позвонили. Наученный горьким опытом, Лев Валентинович посмотрел в «глазок». На пороге стоял начищенный до блеска старичок с «дипломатом».

– Здравствуйте, – сказал он сладким голосом. – Я доктор.

– Наконец-то! – обрадовался стажер, распахивая дверь. – Проходите скорее.

– Почему же скорее? – спросил Туракович, не двигаясь с места. – У вас что-то случилось?

– А вам разве не рассказали? – Лева-то надеялся, что мать по телефону все объяснила про гуашь.

– Рассказали, рассказали, – пробормотал старичок, пристально глядя предполагаемому пациенту Кашенко в глаза. – И про капусту рассказали, и про кошку...

– Кошка стала ярко-розовая! – выпалил Лев Валентинович, страдая оттого, что все происходит так медленно.

По его мнению, ветеринар должен был вбежать в квартиру, осмотреть пострадавшее животное, ловко набрать в шприц нужное лекарство и сделать спасительный укол. Или велеть грозным голосом: «Немедленно в клинику на промывание желудка!»

– Вы видите ярко-розовую кошку? – продолжал осторожный допрос Туракович.

– Если вы зайдете в комнату, то тоже ее увидите.

– А откуда она взялась?

– Понятия не имею! Ее сначала точно не было. А потом я поел халвы на кухне, вхожу, а она – нате вам, сидит на диване. Такая жирная с плоской мордой. Сами взгляните. Правда, сейчас она ярко-розовая, как фламинго.

– Очень интересный образ, – пробормотал Туракович.

– Может быть, вы все-таки поможете? – совсем расстроился мальчишка. – Нужно же с ней что-то делать!

– Ну давайте, покажите мне вашу розовую кошку, – согласился доктор и решительно направился в глубь квартиры. Стоявшие «на шухере» участковый и соседи слушали их разговор с лестничной площадки наверху.

– Ой, мамочки! – пискнула Маргарита Витальевна и закусила кулак, беспокоясь за Тураковича.

Когда Лев Валентинович и доктор наконец переступили порог гостиной, Розамунда, по закону подлости, с дивана исчезла.

– Вы видите здесь кошку? – с любопытством спросил Туракович.

Вместо ответа стажер принялся бродить взад и вперед, приговаривая:

- Кыс-кыс-кыс! Кыс-кыс! – потом сквозь зубы прошипел: – Вылезай, розовая сволочь!
– Не нужно волноваться, – заворковал доктор.

Кошку он даже не пытался искать, а смотрел только на «больного». Особенно его интересовали зрачки. Рассмотреть их было трудно, но глаза у юноши были определенно бешеными.

Из входной двери, предусмотрительно оставленной Тураковичем нараспашку, потянуло сквознячком, и плотная узорчатая занавеска тихонько качнулась.

– А, вот ты где! – возопил Лев Валентинович, бросаясь к окну. Схватил портьеру за край и уже хотел дернуть ее в сторону, как увидел внизу, на улице, Марину.

Она шла по двору, сосредоточенно глядя себе под ноги. Не по тому парадному двору, где гуляли ухоженные бабушки в белых носочках и копошились в песочницах бутузы, вооруженные пластмассовыми совками, а по маленькому колодцу позади дома, куда выходили задворки магазинов. Там было сумрачно и неприятно. Худосочный тополь коротал свой век, свесив ветки вниз. Возле трансформаторной будки высились мусорные баки, оккупированные брутальными бездомными кошками. Медленно-медленно, как подкрадывающаяся к маленькой рыбке большая хищница, следом за Мариной под низкую арку въехала запыленная черная машина.

Лев Валентинович замер, почуяв неладное. Марина даже не обернулась. Она продолжала идти, едва переставляя ноги. Дверцы машины с одной и с другой стороны одновременно распахнулись, и наружу вылезли два здоровых бугая с бритыми затылками. Из окна квартиры казалось, что все это понарошку – просто кино, которое каким-то образом переместилось с экрана в деревянную раму.

В пару прыжков бугаи настигли Марину и схватили ее. Вернее, схватил ее один бугай, зажав ей рукой рот, чтобы она не кричала. Оторвал от земли и рванул со своей добычей к автомобилю. Второй, по всей видимости, его страховал. Он забежал вперед и помог засунуть жертву на заднее сиденье.

– А-а-а! – закричал Лев Валентинович страшным голосом и показал пальцем в окно. – Ее похитили!!! Смотрите, смотрите скорее!

Не дожидаясь, пока Туракович подойдет к окну, он бегом бросился вон из квартиры, прихватив по дороге бадминтонную ракетку, замеченную им в углу коридора. Конечно, было бы лучше, если б в этом углу стояла бейсбольная бита. Однако пришлось довольствоваться тем, что есть. Да и рассуждать о том, что лучше и что хуже, было некогда.

– Вызовите милицию! – прокричал Лев Валентинович уже на лестнице, скатываясь по ступенькам вниз.

– Я здесь, – немедленно отрапортовал участковый, спускаясь сверху. – Кто меня звал?

– Никто, батенька, – успокоил его Туракович своим профессиональным убаюкивающим тоном. – У юноши галлюцинации. Вероятно, он наглотался чего-нибудь лишнего, и теперь ему мерещится всякая, с позволения сказать, дрянь.

– Милиция – это, по-вашему, дрянь? – возмутился дед Сидор, загораживая участкового чахлой грудью.

– Куда он побежал? – бурно задышал тот. – Еще не хватало, чтобы прямо возле нашего участка наркоман совершил нападение.

– Он уверял меня, что на диване сидит розовая кошка. А когда я заметил, что там никого нет, он страшно возбудился, закричал, что кошку украли, и побежал во двор разбираться с похитителями. Прихватил с собой бадминтонную ракетку, – крикнул Туракович вслед затопавшему вниз по ступенькам милиционеру. – Так что будьте поосторожнее!

Пока Лев Валентинович бежал по лестнице, заворачивал за угол и метался между металлических гаражами, низкая машина, в которую засунули его начальницу, дала задний ход и укатила в неизвестном направлении. Вместо нее во дворик въехал другой автомобиль, принадлежавший заместителю директора магазина «Продукты 24 часа», Леониду Бахвалову. По сте-

чению обстоятельств его автомобиль тоже был черный и тоже пыльный. Поэтому когда оглушенный адреналином стажер увидел его перед собой, у него не возникло никаких сомнений в том, что внутри находятся враги.

Подозревая, что прямо сейчас может получить пулю в живот, потя от ужаса и героизма, ударившего ему в голову, Лев Валентинович принялся скакать перед машиной, размахивать бадминтонной ракеткой и вопить во всю мочь:

– Отпустите ее, гады! Отпустите!!! Я сейчас вас всех тут переломаяю! Сюда уже милиция едет. Вас всех тут повяжут. А-а-а!!!

Сказать, что Бахвалов удивился, когда увидел вопящего и танцующего папуасский танец парня, значит ничего не сказать. Пока он сидел с отвисшей челюстью, товаровед, который увидел происходящее в окно, позвонил в то самое отделение милиции, что находилось в двух шагах от места происшествия. Его оперативно соединили с участковым: тот со своей свитой уже добрался до места развернувшихся событий. Вся компания – сам представитель власти, Туракович и группа соседей – остановилась в отдалении и наблюдала за развитием драмы.

В это самое время Лев Валентинович неожиданно вспомнил, что на его мобильнике есть «тревожная кнопка», на которой так настаивала бабушка. Он выхватил телефон из кармана, стукнул себя им по лбу и послал в мировое воздушное пространство сигнал SOS, отчаянно надеясь, что тот спутник, который отвечает за передачу сигнала, находится в хорошем рабочем состоянии.

Тем временем товаровед получил от участкового некоторое количество информации, после чего позвонил Бахвалову на мобильный и сказал:

– Леня, не волнуйся, это наркоман, за ним уже едет «психовозка» из дурдома.

– А чего он от меня хочет? Кого я должен ему отдать? – дрожащим голосом спросил зам, который все это время сидел, не шевелясь и не снимая рук с руля.

– Не обращай внимания, он же псих! А чего могут хотеть психи? Всякую ерунду они хотят. Этот, например, желает, чтобы ты отдал ему розовую кошку.

Бахвалов растерянно оглянулся через плечо. На заднем сиденье красовалась большая плюшевая кошка ярко-розового цвета. Она была очень пушистой и нравилась всем без исключения девицам, которых он катал в машине. Откуда незнакомый псих узнал о ней, было совершенно непонятно. Тем не менее Бахвалов решил, что с кошкой следует немедленно расстаться, иначе псих начнет крушить машину, а машину Леониду было жалко, хотя он и купил ее на ворованные деньги.

Последующие события разворачивались стремительно. Сначала в арку проникла машина скорой психиатрической помощи, за ней вкатились менты, приехавшие по сигналу «тревожной» кнопки, – целых два наряда, а за ментами появилась живая и невредимая, хотя и слегка помятая Марина Беглова.

Первым, на кого менты обратили внимание, был невысокий полный человек с начесанным на лысину пуком волос. Он стоял возле черного автомобиля, зажмурил глаза, размахивал над головой розовой плюшевой кошкой и кричал тонким голосом:

– Заберите кошку! Пожалуйста, заберите!!! Я отдаю ее!

К чести медиков, они тоже в первую очередь обратили внимание именно на этого человека. Участковый попытался было что-то возразить, но ему пришлось отступить, так как псих из двадцать седьмой квартиры неожиданно внятно объяснил, что на его глазах была похищена женщина. Самое главное, эта женщина действительно оказалась рядом и она все подтвердила!

– Два бритоголовых типа напали на меня здесь, во дворе. Засунули в машину, выехали из-под арки и остановились, потому что огромный кран перекрыл перекресток, – объяснила она. – Я не знаю, чего они хотели. Просто засунули меня в машину и повезли. Если бы мы не застряли из-за этого крана... Как только им удалось развернуться, появились ваши машины.

Бритоголовые открыли дверцу и вытолкнули меня на улицу! Не знаю, я их никогда раньше не видела. Не думаю, что смогу опознать. Я очень испугалась и закрыла глаза.

– Нет, – качал головой Лев Валентинович, – номера я не разглядел. Да, мы журналисты, но не работаем с опасными темами. Сейчас готовим материал про пчел...

Минут через десять толпа начала потихоньку рассасываться. В это время в служебное помещение магазина «Продукты 24 часа» вошли люди с официальными лицами и заявили, что у них есть ордер на арест Леонида Петровича Бахвалова. На что товаровед радостно сказал, указывая в окно:

– А его только что в психушку увезли!

Человек, возглавлявший группу, двинул бровью, проследил за его взглядом, но увидел только задний бампер машины неотложной помощи.

– Вот народ, – сказал он. – И как они только обо всем узнают? Чувствуют, что ли? В психушку, видишь ли, он отправился! Ладно, и не из таких мест доставали.

Тем временем Марина и ее стажер в сопровождении целого табора соседей поднимались по лестнице к двадцать седьмой квартире. Добравшись до нужного этажа, они отдышались, и тут Маргарита Витальевна наконец задала главный вопрос:

– Мариночка, а у вас теперь есть кошка?

Марина изумленно посмотрела на нее и помотала головой:

– Не-е-ет, с чего вы взяли?

– Значит, это все же вы мяукали, молодой человек! – строго сказала Шустер, обращаясь к Льву Валентиновичу.

– Я мяукал?! – Тут до него наконец дошли Маринины слова, и он повернулся к ней, сделав глаза блюдцами: – У тебя нет кошки? А кто тогда такой большой, белый и персидский облился красной гуашью?

– Большой, белый и персидский? – попугаем повторила Маргарита Витальевна. Побледнела, покачнулась и кинулась к своей двери, издав нечеловеческий крик: – Розамунда!!!

Марина, отличавшаяся повышенной сообразительностью, немедленно задала своему стажеру правильный вопрос:

– Ты что, мучил соседскую кошку?

– Да ну, я разве похож на садиста?

– А чего она орала?

– Я ее мыл. Она прыгнула на стеллаж и облилась гуашью.

– И почему она прыгнула именно на гуашь? – с недоумением спросила Марина.

– С кошками всегда так, – встрял дед Сидор, который успел сбегать домой за пивом и теперь время от времени прикладывался к бутылочке. – Они же дуры, каких свет не видывал. Если где можно набедокурить, так и сделают.

Марина оттеснила большого знатока кошек в сторону и открыла дверь своей квартиры. Тут же на лестничную площадку выскочила обезумевшая от горя Шустер и ринулась вперед нее, голая:

– Розамунда! Девочка моя! Где ты?!

Источник головной боли Льва Валентиновича вышел на зов и коротко мякнул. Марина протянула руку и включила в коридоре свет. Все ахнули. Местами мокрая, местами подсушенная кошка была похожа на драную козу. Вдобавок к этому она оказалась веселого клубничного цвета.

– Моя родная мама, – тихо сказала Марина.

– Я случайно вымыл ее оттеночным шампунем, – виновато пояснил Лев Валентинович. – Шампунь наложился на гуашь, и получилось вот что.

Охваченная ужасом хозяйка Розамунды воздела руки к небу и простонала:

– Господи! Ветеринара! Срочно!

Буквально в ту же секунду позади них раздался веселый голос:

– Кто вызывал ветеринара?

Маргарита Витальевна перестала голосить, посмотрела сначала на парня в куртке с трафаретной надписью «Ветпомощь», потом на свои молитвенно сложенные руки, затем снова вверх и с недоверием в голосе пробормотала:

– Спасибо, господи!

Когда наконец все успокоилось, на опустевшей лестничной площадке остался один дед Сидор.

– Волшебство, – приговаривал он, отпивая из бутылки. – Новый год летом. Как это у нее так получилось?

Он сильно зажмурился, потом топнул ногой и приказал:

– Ветеринара!

Ничего не произошло. Он снова отхлебнул и снова потребовал:

– Ветеринара!

– Мама, мама! – закричали дети, толпившиеся за дверью. – Там дедушка кричит и требует ветеринара.

– Еще бы, – проворчала мама, загоня дедушку домой. – Если каждый день напиваешься как свинья, человеческий врач тебе уже не поможет.

* * *

Лев Валентинович как заведенный ходил из кухни в комнату и обратно. Марину выворачивало в ванной наизнанку.

– Это от нервов, – со знанием дела заявил стажер, когда она наконец вышла на свет божий. – О, ну и вид у тебя. В общем, так и должно быть. Когда тебя хватают на улице жуткие типы и везут в неизвестном направлении...

– Никуда они меня не везли, – ответила Марина.

– Как это?

– Они хотели со мной парой слов перекинуться. Вот что... – Она плюхнулась на диван и сжала руками виски. – Я сейчас все расскажу. – Ей захотелось выговориться, хоть каким-то образом снять стресс. – Вообще-то следует передать тебя в другой отдел...

– Я что – ничего не стоящая вещь?! – возмутился Лев Валентинович. – И меня можно передать кому-то, как какой-нибудь дырокол? И разве это не я бросился на выручку, когда тебя схватили?

Вспомнив, как он стоял посреди двора с бадминтонной ракеткой в руке, Марина вздохнула:

– Ладно, ладно. Я тебе очень благодарна, правда. Но я стала опасной, как граната с выдернутой чекой. У меня на хвосте висит шайка убийц. Настоящих. Тот тип, который сидел за рулем машины, он... Думаю, это он убил моего друга.

– Он так и сказал?

– Нет, он употреблял местоимение «мы». Я же говорю – шайка.

Марина пересказала стажеру разговор, который состоялся у нее с бандитами, ничего не скрывая. Лев Валентинович некоторое время задумчиво выпячивал нижнюю губу, потом хмыкнул и вслух удивился:

– Как это твоя сестра так прокололась? Нашла у кого книжки воровать.

– Я уверена: произошло какое-то недоразумение. Эти типы обещали, что разрешат Тане поговорить со мной по телефону. Судя по всему, она уже пыталась мне позвонить. И пока я торчала на той растреклятой уфологической конференции...

– На той благословенной конференции, которая обеспечила тебе алиби, – поправил ее Лева.

– Ну да, – уныло согласилась Марина. – В общем, картина такая. В тот день Иван приехал сюда, в мою квартиру, чтобы забрать... – Она внимательным взглядом окинула обстановку и уверенно закончила фразу: – А, теперь я вижу... чтобы забрать пепельницу.

– Прости, – с видом аристократа, запачкавшего костюм навозом, заметил Лев Валентинович, – но у меня складывается впечатление, что твой друг был мелочным человеком.

– Да ну, ерунда. Иван просто искал предлог помириться. Не так уж он и любил все эти вещи. Хотя... Пепельницу действительно любил, врать не стану. Итак, отсюда он позвонил своей сестре и сообщил ей, что придумал верный способ со мной помириться. Последнее, так сказать, средство. Понятия не имею, что за ерунда пришла ему в голову, потому что лично я с ним мириться не собиралась ни под каким соусом. И пока он здесь прохлаждался, пришла, как я понимаю, почтальонша с посылкой.

– Может, это был почтальон?

– Нет, – покачала головой Марина. – У нас почтальонша. Иван расписался...

– А как это ему отдали твою посылку? – удивился Лева. – Это ж, можно сказать, должностное преступление. Вот пусть теперь почтальонша и разбирается с бандитами сама. Если бы посылка попала в твои руки, все могло бы обернуться иначе. Ты сразу отдала бы ее бандитам, чтобы они от тебя отстали.

– Не думаю, – вздохнула Марина. – Там была только одна часть книги. Вторая где-то болтается. А мне велено собрать их вместе. А что касается почтальонши, тут все просто. Зовут ее Машей Кузиной, и учились мы с ней в одном классе. С ней и с Иваном.

– Это вы со школы, что ли, с ним хороводились? – не поверил стажер. И, прикинув цифры в уме, переспросил: – Одиннадцать лет?!

Его собственный самый длинный роман длился четыре месяца и до сих пор будоражил нервную систему.

– Да ну, – отмахнулась Марина. – В школе мы с Иваном вообще ни мур-мур. Вот, недавно встретились, попили кофейку, сходили вместе на концерт, так и понеслось... Машка, конечно, знала, что у нас серьезные отношения. Иван жил у меня почти год, она сюда сто раз всякие заказные письма приносила. Охота была ей церемониться и моей личной подписи дожидаться, понимаешь?

– Я бы на твоём месте подал на нее в суд, – важно заявил стажер. – А ты кому-нибудь расскажешь о бандитах? Зое Петровне, например?

– Да ты что! – взвилась Марина. – Конечно, не расскажу. И тебе придется язык прищипать зубами, потому что бандиты ясно выразились, что, если я проболтаюсь, мою сестру убьют.

– Не убьют, им же книжка нужна!

– Тогда изуродуют. Или покалечат. У отморозков знаешь какая жуткая фантазия? Нет, Лева, ты, пожалуйста, отнесись ко всему серьезно. Маме тоже не рассказывай.

Лицо Льва Валентиновича занялось возмущенным румянцем. Однако со своими чувствами он все же совладал и, криво ухмыльнувшись, ответил:

– Клянусь. Ни маме, ни даже бабушке. Это будет наша с тобой тайна.

«Детский сад на мою голову, – подумала Марина с тоской. – С другой стороны, парень неглупый, довольно порядочный и к тому же отчаянный. Может быть, действительно поможет. Предложит что-то дельное. Опять же не одной мне нести этот груз. Когда есть с кем бедой поделиться, уже легче».

Интересно все же, как Таня вляпалась в историю с бандитами? Украла у них книжку. Нет, тут что-то не то. Разве такая серьезная и во всех отношениях положительная девушка могла взять чужое?

Марина попыталась восстановить в памяти облик Тани Зотовой. Сестра приезжала к ней трижды, всегда заранее спрашивала разрешения остановиться у нее. Вела себя изумительно и вообще произвела на Марину впечатление самое приятное. Серьезная, коротко стриженная брюнетка с отличной фигурой и умным лицом. Оставшись сиротой в детстве, Таня воспитывалась у тетки, которая умерла, когда ей было лет шестнадцать. С тех пор сама пробивала себе в жизни дорогу. Поступила в университет, заканчивала аспирантуру. Как такая девушка могла столкнуться с бандитами?

«Вероятно, дядя Арсений знает о ней гораздо больше, чем я», – сообразила Марина. Сейчас сведения о сестре ей бы оченьгодились. Нужно поехать к дяде и попытаться вытянуть из него всю подноготную той родственной ветви, к которой принадлежала Таня. Мало ли как там дело обернется. Вдруг какие-то факты из биографии сестры помогут ей отыскать книгу? Или, позвонив, Таня будет намекать на некие обстоятельства, о которых Марина вовсе не знает?

Интересно, что это за книга такая? Ценная, дорогая – это ясно, раз за ней охотится шайка убийц... Н-да, ничего себе ситуация. Марина изо всех сил старалась взять себя в руки и рассматривать бандитский «заказ» как очередное редакционное задание. Журналистское расследование. Не думать о плохом. О том, что жизнь Тани висит на волоске.

Отправив стажера домой, Марина решила немедленно ехать к дяде, хотя еще не отошла после пережитого шока. Это только в кино героини после встречи с опасностью переодевают платье, подкрашивают губы и снова кидаются в гущу событий. Реальность оказалась ужасной. Марина совершенно раскисла и чувствовала себя как букашка, которую взболтали в стакане с кубиками льда, а потом выплеснули на землю. Ей необходимо прийти в себя.

А в сущности, где еще лучше всего это осуществить, как не в окружении родственников? В доме у дяди Арсения и тети Иры постоянно толпился народ. Если в тебе текла хоть капля крови Старостиных, ты мог не беспокоиться о куске хлеба и крыше над головой. Несколько раз дяде присылали из глубинки непонятных детей с неразборчивыми записками, которых он пестовал как своих собственных, планируя их жизнь на долгие годы вперед и закладывая для этой жизни фундамент. А уж о стариках и старушках, оставшихся в одиночестве, и говорить не приходилось. По дому постоянно бродили божьи одуванчики, посасывая карамельки и рассовывая фантики в антикварные вазы.

Дядя любил старинные вещи и даже рискнул повесить в гостиной картину старого голландского художника, которая стоила баснословных денег. Это был портрет молодого человека в роскошном парчовом костюме. Портрет был чудный, но Марина опасалась, что в следующий раз, появившись у дяди, увидит, что юноше фломастером пририсовали усы.

«Вещи – это тлен, Мариночка, – сказал как-то дядя Арсений, когда она попыталась заступиться за бархатное бабушкино платье, которым чьи-то мелкие отпрыски вытирали с пола разлитый компот. – Не следует на них циклиться. Вещи нужны, чтобы жить комфортно или усладить взор, но они не могут стать самоцелью. Крепкое родовое гнездо, которое неподвластно бурям и шквальному ветру, – вот что главное в этой жизни. Барахло превратится в пыль, а люди останутся, прорастут в следующие века и расцветут по всей земле».

С такой сокрушительно жизнелюбивой философией не могла бороться даже его жена, которую дядя Арсений нежно любил и потакал всем ее капризам. Хотя надо отдать должное Ирине Владимировне, капризов у нее было раз, два – и обчелся. Да и некогда особенно капризничать женщине, отвечающей за целый дом, по которому разгуливают выводки Старостиных.

Съезжая с Кольцевой дороги к поселку, в котором находился дом дяди, Марина гадала, кого она встретит там сегодня. Только бы не младенцев! Их она боялась как огня. Стоило ей посетить семейное сборище, где в наличии имелись младенцы, как она немедленно оказывалась в роли няньки. «Приучайся, – говорили мамы, которые были счастливы сбыть с рук свои сокровища хотя бы на пару часов. – Рано или поздно тебе придется с этим столкнуться».

Марина искренне считала, что в таком изматывающем деле, как выращивание детей, тренировки только вредят.

На этот раз по двору бегали не дети, а две крупные дворняжки радостного вида с закрученными бубликом хвостами. Марине даже показалось, что она видит на их мордах улыбки. Еще бы! Если они принадлежат кому-нибудь из членов клана Старостиных, их наверняка нашпиговали едой, как домашние колбаски салом. Сытые собаки проявили к Марине дружелюбное внимание и полезли целоваться. Одна поцарапала ей коленку грязными когтями, а вторая облизывала глаз. Тушь мгновенно растеклась, и сразу полились слезы.

Дверь ей открыла незнакомая тетка с пирожком в руке. Второй пирожок, судя по всему, лежал у нее за щекой, потому что говорить она не могла и только мычала что-то нечленораздельное. Опытная Марина быстро поздоровалась и просто обошла ее по периметру, проникнув в холл. Из кухни доносились умопомрачительные запахи и громкие голоса, среди которых доминировал голос хозяйки.

– А, Мариночка! – радостно воскликнула Ирина Владимировна, увидев гостью.

Если бы дело происходило в любом другом доме, можно было бы сказать – незваную, но здесь всякого пришельца встречали пирогами. На руках у хозяйки дома висели куски сахарного песочного теста, которое раскатывали, разделявали на печенье и выпекали три совершенно одинаковые женщины неопределенного возраста – маленькие, полненькие и розовощекие. На всех трех были белые платья и красные фартуки. Марине женщины показались похожими на домашних эльфов, взявшихся устраивать вечеринку.

– Познакомься, милая, это наши родственницы из Вилстафьевки – Тася, Луша и Клаша.

Кто из них – кто, определить было совершенно невозможно, и Марина спросила:

– Вы тройняшки?

Тася, Луша и Клаша захихикали, и Ирина Владимировна «перевела»:

– Нет, дорогая, они даже не родные сестры, а двоюродные. Просто в Вилстафьевке все похожи друг на друга.

«Содом и Гоморра у них там, что ли, в этой деревне?» – изумленно подумала Марина. Потом поцеловала тетку в душистую коричную щеку и спросила:

– А где дядя?

– У него сейчас миссия, – заговорщическим шепотом сообщила Ирина Владимировна.

Это означало, что приехал «новичок», требующий заботы и внимания. Дядя всегда оказывал страждущим «первую помощь», выслушивая истории, которые то и дело случались с потомками Старостиных.

– Но, думаю, он скоро закончит, – добавила тетка с некоторой неуверенностью. – Понимаешь, там такое дело...

Она не успела досказать, потому что запищал таймер и все четыре кухарки бросились к духовке. Марина решила сама идти на разведку. Утащив с блюда пирожок, она отправилась на веранду, рассчитывая хотя бы показаться дяде на глаза. Пирожок оказался с яйцами и капустой, и Марина испытала неземное блаженство, когда начинка попала на язык. Черт, как она, оказывается, проголодалась! Бутерброды Льва Валентиновича давно уже разложились на атомы, и желудок был пуст, как воздушный шарик.

Дядя действительно обнаружился на веранде среди белоснежных занавесок и срезанных ирисов, он стоял возле открытого окна с сигаретой в руке и выглядел озабоченным. Это был довольно свежий еще мужчина с густыми волосами, зачесанными назад. Толику благородства приносили в его облик красивый нос с горбинкой и «раздвоенный» подбородок.

Рядом с ним стояла высокая плечистая женщина в длинном платье, которое можно было бы назвать вдовьим, если бы не зеленые оборочки на рукавах и воротнике. Рукава плотно облегли мясистые руки, которые больше подошли бы боцману.

– Мариночка! – просиял дядя, заметив племянницу. – Как я рад, что ты приехала именно сегодня! Ирочка сегодня в ударе, будет потрясающий ужин.

– Боюсь, я не смогу остаться на ужин, – пробормотала Марина.

– Не выдумывай! За стол садимся через полчаса. Ты дольше будешь по пробкам толкаться. Кстати, познакомься, – посерьезнел Арсений Андреевич, – это Валерия, внучатая племянница Клавдии Сергеевны. Помнишь Клавдию Сергеевну?

– Как не помнить... – пробормотала Марина, невольно отступая на пару шагов.

Клавдия Сергеевна, незабвенная ей память, на одном из дней рождения плясала на столе и снесла люстру, которая перепугала до полусмерти полсотни родственников, а Марине рассекла бровь. До сих пор оставался шрам, и она невольно потрогала его подушечкой указательного пальца. Черт ее знает, эту внучатую племянницу... Вдруг она тоже отличается повышенной веселостью?

Пожав Валерии руку, Марина подумала, что эта тетка больше всего похожа на переодетого мужчину. У нее были густые брови, подбородок словно отлитый из свинца и следы от усов. Слава богу, в отличие от Ларисы Капусты эта дама все-таки как-то боролась с растительностью на лице. Кроме того, она оказалась на диво тактичной.

– Не буду вам мешать, – заявила она. – Пойду подкрашу губки перед ужином.

– У нее такая история, Маришка, не поверишь! – заговорщическим тоном произнес Арсений Андреевич. – Сейчас расскажу. Уверен, что тебе как журналисту будет это очень интересно. Журналисты – неравнодушные люди, верно?

– Нет, дядя Арсений! – взмолилась Марина. – Только не сегодня. Я тебя хотела расспросить о Тане Зотовой. Ну, о той, которая училась в Томском университете, помнишь?

– Да ведь ты сама поддерживаешь с ней отношения, – удивился дядя.

– Вот именно, – горячо заговорила Марина. – Отношения поддерживаю, но почти ничего про нее не знаю. Какая у нее была семья, как Таня осиротела... Меня интересует все, все, все.

– Ну... – Арсений Андреевич пощипал подбородок. – Мне нужно записи просмотреть, так, навскидку я вряд ли вспомню ее биографию в деталях. Ладно, давай присядем, я выкурю еще одну сигаретку, пока твоя тетя меня не застучала...

– Ей все равно кто-нибудь расскажет, – пожала плечами Марина. – В вашем доме полно людей, нацеленных делать добро. А заставить бросить тебя курить – первейший долг каждого православного христианина.

Не успела она договорить, как зазвонил ее мобильный телефон. Она извинилась и выхватила его из сумочки. Прежде чем поднести трубку к уху, посмотрела на экранчик – номер московский, но незнакомый.

– Алло, – осторожно ответила она, опасаясь услышать писклявый мужской голос, который скажет ей что-нибудь ужасное. – Я слушаю.

– Марина. Марина, это я. Ты меня узнаешь? Таня Зотова.

– О господи! Где ты? С тобой все в порядке?

Она завертелась на месте, не зная, как лучше пристроить трубку к уху, чтобы было хорошо слышно, и опасаясь, что связь неожиданно прервется. Дядя, мигом оценив важность разговора, молча подсунул под нее стул. Однако Марина просто не могла усидеть на месте. Она подбежала к открытому окну и привалилась к раме, жестами показывая ему, что сейчас сильно занята. Как назло, дядя не докурил свою сигарету и уходить не собирался. Но Марине совершенно некогда было с ним объясняться или искать укромное местечко.

– Я в Москве, – ответила Таня сдавленным голосом. – Нас везли на машине из самого Бийска.

– Вас? Ты что, не одна?

– Обращаются со мной нормально, – заученным тоном продолжала сестра, не ответив на вопрос. И тотчас поправилась: – Обращаются хорошо.

Вероятно, получила тычок под ребра, вот и повысила оценку.

– Тань, что случилось? – тихо и серьезно спросила Марина. – Расскажи все, что можешь.

– У нас была вылазка с группой спелеологов, – зачастила Татьяна. – Мы ехали из Бийска и остановились на турбазе «Голубое озеро». Рядом – деревня.

Она назвала деревню и объяснила, где та находится.

– Всего километр по пересеченной местности. Я работала в пещере неподалеку. Как потом выяснилось, ее облюбовал какой-то целитель. Он лечил по старинной книге, которую привезли с Тибета. Откуда я могла знать? Я пробивала коридор и нашла ее схороненной в глубокой нише. Это только потом я сообразила, что раз она завернута в целлофан, то лежит там вовсе не с незапамятных времен. Я, естественно, понесла книгу к ребятам на турбазу.

– Так-так, – подбодрила Марина. Глаза ее лихорадочно перебежали с высоких астр на низенькие маргаритки, но не замечали прелести цветов.

Она почти наполовину высунулась в сад, надеясь хоть как-то уединиться. Дядя не уходил. Мало того, он тоже заинтересовался разговором. Наверное, какой-нибудь особо чувствительный ген дал Арсению Андреевичу знать, что в его курятнике не все ладно.

– По дороге на базу на меня напали.

– О господи! Ты не пострадала?

– Нет, не пострадала. На меня напали две пожилые женщины. Две старухи, Марин. В зарослях крапивы. Я их в глаза раньше никогда не видела.

– Чего они хотели?

– Книгу, разумеется! Видишь ли, бабушки очень трепетно относились к тому целителю и, вместо того чтобы все объяснить, сразу принялись драться.

– А чего этот целитель книгу-то в пещере бросил? – не выдержала Марина.

– Ну, понимаешь... Он не мог ее с собой взять. Просто не успел... Ой!

– Я все поняла. – Шарик в голове Марины вертелась с повышенной скоростью. – Его убили!

– К счастью, нет, – поспешно ответила Таня.

– А! Его похитили! – сообразила Марина. – Бабки стали свидетельницами похищения, решили спасти ценную реликвию, побежали за книгой, заметили тебя, напали, отняли ее...

– Не всю книгу. У меня в руках остался кусок.

– Вы что, испортили ее? – не поверила Марина.

Ей было трудно представить полутораметровые заросли крапивы на горном спуске и драку с экзальтированными старухами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.